

ЗУРАБ ПАПАСКИРИ

О НАЦИОНАЛЬНО – ГОСУДАРСТВЕННОМ
ОБЛИКЕ АБХАЗИИ / ГРУЗИЯ

ВСЕГРУЗИНСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
им. ЭКВТИМЭ ТАКАИШВИЛИ
АБХАЗСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Зураб Папаскири

**О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ
ОБЛИКЕ АБХАЗИИ/ГРУЗИЯ**

С древнейших времен до 1993г.

Т б и л и с и
2 0 0 3

ჯსჯ (UDC) 947.922+93/99(947.224)

П 171

В книге дан общий обзор исторического прошлого современной Абхазии. На основе анализа соответствующих первоисточников, а также критического осмысления существующего историографического наследия показан этнокультурный и национально-государственный облик региона с древнейших времен до 1993г. Опровергается утверждение сепаратистской „историографии“ о 12-ти и даже 25-вековой истории т.н. собственно абхазской „национальной“ государственности.

Книга рассчитана на специалистов-историков, а также на читателей интересующихся историей Абхазии/Грузия.

Редактор: Академик АН Грузии **Роин Метревели**

Рецензенты: Доктор ист. наук, профессор **Гиули Аласания**
Кандидат исторических наук **Бежан Хорава**

*Автор благодарит депутата Парламента Грузии – г-на **Джемала Саджая** за содействие в опубликовании данной книги.*

© **Зураб Папаскири**

ISBN 99928-0-694-X

Вместо предисловия

Истекли десять лет после трагических событий сентября 1993г., когда абхазские сепаратисты при поддержке российской военной машины одержали „победу“ в братоубийственной войне и сумели временно отторгнуть от остальной Грузии один из её прекрасных уголков – Абхазию. За это время много писалось об абхазской трагедии, хотя всесторонний и исчерпывающий анализ произошедшего в Абхазии в 1992-1993гг., конечно, еще предстоит.

Сегодня уже не вызывает никаких сомнений, что конфликт между двумя связанными самыми тесными родственными узами народами, исподволь готовился задолго до трагических августовских дней 1992г. Предпосылки абхазо-грузинского военного противостояния складывались, по меньшей мере, на протяжении последних ста лет: сначала царская Россия, а затем и кремлевский большевистский режим сделали всё для разжигания антигрузинских настроений среди абхазов и подготовки идеологической почвы для отторжения Абхазии от общегрузинского государственного организма.

Российская империя еще в 60-х годах XIX столетия работала т.н. „государственную программу“ разрыва многовекового грузино-абхазского историко-культурного единства. Первым большим шагом в этом направлении было создание на основе славяно-русской графики абхазской письменности, которая, по словам одного из видных деятелей российской администрации на Кавказе Е. Вейденбаума, должна была лишь стать „средством к ослаблению... потребности в грузинском языке“.

Одновременно российские власти предприняли наступление и на историографическом „фронте“. В 1907г. вышла книга с весьма вызывающим названием „Абхазия – не Грузия“, автором которой принято считать некоего Н. Воронова. В 20-х годах XXв. эту формулу подхватили уже сепаратистский настроенные представители т.н. „абхазской народной интеллигенции“. Так появились „программные труды“ С. Баса-

рия и С. Ашхацава об историческом прошлом Абхазии, которые служили своего рода историографическим обоснованием „государственной независимости“ ССР Абхазии, продекларированной абхазскими большевиками в марте 1921г.

Политическая конъюнктура, сложившаяся в СССР в 50-х годах XXв. создала благоприятную почву для реанимации сепаратистской идеологии в Абхазии. С этого времени на повестку дня вновь был поставлен вопрос о создании „национальной“ (оторванной от общегрузинской истории) истории абхазского народа. Однако, на первом этапе эта цель не была достигнута. В двухтомнике „Очерков истории Абхазской АССР“, подготовленном абхазскими и грузинскими историками под руководством видного абхазского ученого, члена-корреспондента АН Грузии, проф. Г. А. Дзидзария, историческое прошлое Абхазии освещалось в русле общегрузинской истории.

Однако постепенно (особенно со второй половины 60-х годов), с нарастанием сепаратистских настроений, отдельные абхазские (а также русские) историки, археологи, писатели, своими небылицами и утопическими измышлениями, начали вводить в заблуждение абхазское население и тем самым настраивать его против грузин. В этих „баталиях“ особенно отличились историки, которые всемерно старались исторически обосновать стремление абхазских сепаратистов оторваться от „ненавистных“ грузин, якобы всегда приносивших зло и горе абхазам и навеки впасть в „объятия“ „братской“ России – „спасительницы“ всех угнетенных народов.

С этой целью наши „друзья-коллеги“ из научно-исследовательского корпуса сепаратистов самым гнусным образом искажали историческую правду о прошлом грузинского и абхазского народов, везде и всюду выискивали факты „давления“ грузин над абхазами. **Абхазию** совершенно бесцеремонно **объявляли родиной** одних лишь **апсуа-абхазов, которые, дескать, будучи единственными полноправными хозяевами этой земли, только и должны были заботиться о будущем** (читай, о достижении независимости Абхазии от Грузии) **своей отчизны**. А грузины и представители других национальностей, проживающих „на гостеприимной земле древней Апсны“, просто обязаны помочь им в этом „благо-

родном“ деянии. Вот почему сепаратисты и одурманенные их шовинистической пропагандой рядовые абхазы возомнили, что они могут всё. Например, могут навязать христианскому населению, составляющему, как минимум, 90% всех жителей (в том числе, и собственно абхазов) автономной республики, ярко выраженную мусульманскую символику; могут объявить (грубо попирая нормы конституции и действующего законодательства) „суверенную социалистическую республику“, и этим самым больше половины коренного населения, подчеркиваем, **коренного населения** региона без их согласия в одностороннем порядке превратить в граждан „другого государства“ и т.д.

Заболевшие антигрузинским психозом историки и политики, потеряв всякий контроль над собой (это стало особенно заметно с 1988г.) доходили до такого кошунства, что готовы были даже геноцид абхазов, устроенный „братской“ Россией в XIX веке, поставить в вину грузинскому народу. Фальсификация истории была возведена (особенно после прихода к власти В. Г. Ардзинба) в ранг государственной политики, свидетельством чего являются неоднократные заявления первого лица автономной республики – председателя Верховного Совета Абхазии, а также некоторых других „государственных мужей“ (историков и неисториков) о чуть ли не 12-ти и даже 25-вековой истории абхазского национального государства.

В то же время грузины совершенно безапелляционно объявлялись как пришлое, некоренное население Абхазии, а любая попытка считать грузин такими же аборигенами, как и абхазы, объявлялась антинаучной и вредной. Всё это, конечно, не имеет ничего общего с настоящей наукой. Со всей ответственностью можно утверждать, что, несмотря на большие старания некоторых горе-историков и писателей, пока еще никому не удалось пересмотреть ставшие азбучной истиной научные положения и перечеркнуть многовековое историческое и культурно-политическое единство грузин и абхазов.

В исторической науке, естественно, всегда были и впредь будут разногласия при осмыслении тех или иных вопросов. В этом плане исключение не составляет и история Абхазии, хотя смело можно утверждать, что в целом она изучена на достаточно высоком уровне (в чем велики заслуги крупней-

ших абхазских историков З. В. Анчабадзе и Г. А. Дзидзария) и вряд ли следует ожидать внесения каких-либо принципиальных новшеств в существующие представления об историческом развитии региона. Это, конечно, не освобождает ученых историков от дальнейшего исследования тех или иных проблем истории Абхазии. Наоборот, сегодня, когда пришел конец тоталитарной идеологической конъюнктуре, не позволявшей объективно осветить многие вопросы истории Абхазии (особенно XIX-XX столетий), всё новые перспективы открываются перед исторической наукой. Однако, сказанное вовсе не дает нам право позабыть о том позитивном историографическом наследии, которое остается, и впредь будет оставаться прочным фундаментом правильных научных концепций. Именно на основании указанного наследия в предлагаемой книге мы попытались дать общий обзор истории современной Абхазии.

Главная задача данной работы заключается в том, чтобы показать, что из себя представляла на самом деле территория теперешней Абхазии в политико-государственном плане с древнейших времен до 1993 года и насколько обоснованы утверждения сепаратистской историографии о 12-ти и даже 25-вековой истории собственно абхазской национальной государственности.

Представленная книга является сокращенным вариантом (своего рода, пространной аннотацией) курса лекций по истории Абхазии, которую вот уже 3 года, как мы ведем (на русском языке) по „Абхазскому радио“ на I канале Грузинского радио. Грузинский вариант этих лекций-бесед публикуется в периодическом органе неправительственной организации „Фонд общественных программ“ – „**UAAŒE AAŒAEE**“. Параллельно идет публикация этих материалов на русском языке в газете „**Свободная Грузия**“.

За оказанную в редактировании книги помощь автор благодарит заведующую кафедрой русского языка и литературы Сухумского Филиала ТГУ им. И. Джавахишвили, доктора филологических наук, проф. **Д. А. Алания** и заведующую кафедрой английского языка и литературы Сухумского Филиала ТГУ, кандидата филологических наук, доц. **Е. В. Киланав**.

Глава I

Этнокультурный и политико-государственный облик Северо-Западной Колхиды с древнейших времен до VIII в. н.э.

К этнической идентификации древнейшего населения северо-западной Колхиды. Абхазия, как и другие регионы Грузии, становится ареной человеческого обитания с эпохи раннего или нижнего палеолита (древнекаменный век), примерно полмиллиона лет тому назад. В эпоху первобытности территория современной Абхазии, начиная с верхнего палеолита, входила в ареал распространения единой материальной культуры, создателями которой, вероятно, являлись этнически родственные племена общекавказского происхождения (О. М. Джапаридзе). С эпохи бронзы (может быть, еще раньше) происходит дифференциация некоей палеокавказской этнической общности, следствием чего является появление отдельных локальных особенностей внутри единой материальной культуры. Эти особенности дают возможность выделения локального региона и на территории современной Абхазии – в районе севернее Гумисты, что, возможно, вызвано этнической неоднородностью населения этого региона и остальных областей исторической Колхиды. Вполне возможно, что среди тех, кто населял эту часть современной Абхазии, были и предки нынешних абхазов, остальную же часть Колхиды, включая и территорию Абхазии южнее Гумисты, вне всякого сомнения, населяли создатели колхидской культуры – мегрело-чаны, сваны и другие картвельские племена. Вместе с тем нельзя исключить пребывание картвельских племен и в северной части современной Абхазии.

То, что территорию современной Абхазии с древнейших времен, в основном, населяли именно картвельские племена, полностью подтверждается данными древнегреческих авторов, оставивших почти документальное описание этнической карты I тысячелетия до н.э. Древнейший письменный матери-

ал о племенах, населяющих Северо-Западный Кавказ принадлежит автору VI века до н.э. Гекатею Милетскому, в „Землеописание“ которого попали „колы“, проживающие, по Гекатею „на нижних склонах Кавказского хребта и кораксы, населяющие места к западу от них“, которые в словаре „Этника“ Стефана Византийского (VI в. н.э.), сохранившего до нас фрагменты сочинения Гекатея, названы „Колхским племенем“. В „Перипле“ же Псевдо-Скилака Кариандского (IV в. до н.э.) имеется прямое свидетельство о том, что территорию к югу от кораксов и колов от Диоскурии (ныне г. Сухуми) до р. Апсароса (р. Чорохи) в раннеантичную эпоху занимали колхи (М. П. Инадзе).

Вопрос о том, что колхи – западногрузинское (мегрело-чанское) племя – давно решен в науке. Несмотря на то, что вполне допустимо и собирательное значение термина „колхи“, куда могут быть включены и некоторые некартвельские племена, не должно вызывать никакого сомнения первоначальное этническое содержание термина „колхи“, которое, прежде всего, безусловно, подразумевает западно-грузинское мегрело-чанское население и другие картвельские племена, населяющие пределы исторической Колхиды.

Тогда же в Северо-Западной Колхиде древнегреческие авторы (Геланик Митиленский V в. до н.э.) фиксируют племена гениохов, которые, по мнению ученых, занимали территорию от окрестностей Питиунта (современная Бичвинта – Пичунда) до реки Ахеунта (р. Шахе, около нынешнего Туапсе). Гениохов большинство исследователей (Н. Я. Марр, И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, П. И. Ингорква, Г. А. Меликишвили, Б. И. Гигинейшвили, М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. Гасвиани и др.) считает картвельским (мегрело-чанским или сванским) племенем, хотя, вместе с тем не исключается и собирательное значение термина „гениохи“, куда могли входить „племена разного происхождения“. Что же касается утверждения некоторых абхазских ученых (прежде всего Ш. Д. Инал-ипа) о генетическом родстве гениохов с древними абхазами, то оно явно искусственно и надуманно.

Таким образом, все имеющиеся древнегреческие письменные материалы почти однозначно подтверждают про-

живание на территории Северо-Восточной Колхиды (в I тысячелетии до н.э.) исключительно картвельских (колхских) племен: „колов“, „кораксов“, собственно „колхов“, „гениохов“, возможно и „мосхов“–„месхов“. Никакого конкретного упоминания о племенах, которых с должной аргументацией можно было бы причислить к абхазо-адыгскому этническому миру, в этих источниках мы не встречаем, хотя исследователи, в том числе и некоторые грузинские (на основании анализа археологических материалов), допускают проживание на этой территории и предков современных абхазов.

Этно-демографическая картина северо-восточной Колхиды в первых веках н.э. В I-II вв. н.э. произошли серьезные изменения на этнической карте Северо-Восточной Колхиды. С этого времени, на территории современной Абхазии появляются новые племена. Это прежде всего саниги, первое упоминание о которых встречается еще у древнегреческого автора Мемнона – современника т.н. Митридатовых воин. Подавляющее большинство ученых непосредственно занимающихся данной проблематикой (И. А. Орбели, Н. Я. Марр, С. Н. Джанашия, П. И. Ингорюк, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломоури, Д. Л. Мухелишвили, Т. Ш. Мибчуани, Г. Гасвиани и др.) санигов причисляют к картвельскому (мегрело-чанскому, сванскому) этническому миру, хотя существует мнение и об абхазо-адыгском происхождении санигов (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др.), что также явно надумано и не выдерживает критики.

О картвельском происхождении санигов однозначно свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) В этнониме „саниги“, как совершенно обоснованно подчеркнуто в науке (Н. Ю. Ломоури) легко выделяется корень „сани“ – греческая форма этнонима „чани“ („ჭანი“), мегрело-чанское происхождение которого не подлежит никакому сомнению; 2) Древнейшее грузинское название Диоскурии–Сébastополиса (т.е. – современного Сухуми) – „Цхуми“ на сванском языке означает „граб“, а появление сванского топонима в окрестностях Сухуми-Диоскурии возможно было лишь тогда, когда в этих краях

обитали именно сванские племена. Учитывая, что после VIII в., к которому относится древнейшее упоминание в грузинской хронике „города Апшилети – Цхуми“ (т.е. времени, когда Цхуми уже не принадлежал сванам, а был городом Апшилети-Апсилии) трудно найти следы пребывания сванских племен в окрестностях Сухуми, то сванское название данного места должно было возникнуть раньше VIII в. Со всей ответственностью можно утверждать, что сванское название г. Сухуми, могло появиться еще до I в. до н.э., когда, по словам известного древнегреческого географа Страбона (64 г. до н.э. – 20 г. н.э.) над вершинами вокруг Сухуми–Диоскурии „господствовали сваны“ и в земле которых (т.е. санигов) по почти документальному сообщению другого греческого автора II в. н.э. Флавия Арриана и „лежал Себастополис“ (Диоскурия-Сухуми).

Вместе с тем, нельзя исключить также возможность объяснения топонима „Цхуми“ и при помощи мегрело-занского языка (по мегрельски „цхимури“, „тхуму“ – также породы деревьев). Своего рода документальным подтверждением подобного варианта может служить известное указание другого древнегреческого географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.) о том, что у северной границы Колхиды, к северо-западу от Диоскурии, вдоль реки Коракс (по мнению ученых, р. Бзиби) жили „свано-колхи“ – своего рода смешанное свано-мегрельское племя (Н. Ю. Ломоури).

В I–II вв. н.э. в письменных источниках впервые появляются сведения об „апсилах“ и „абазгах“, которые в это время предположительно локализируются примерно на территории от р. Галидзга до р. Келасури. Позже наблюдается некоторое перемещение этих племен в северо-западном направлении и где-то в V–VI вв. н.э. они, ориентировочно, обосновались в регионе междуречья Кодори (или Келасури) и Бзиби. При этом апсилы по-прежнему занимали южные районы, а абазги – северные. В VIII в. г. Цхуми (Сухуми), как уже отмечалось, уже назван городом Апшилети (Апсилии). Подобное перемещение абазгов и апсильев с юга на север в науке (Г. А. Меликишвили, Н. Ю. Ломоури и др.) объясняется натиском лазских племен.

В историографии долгое время не вызывал сомнения вывод о том, что апсилы и абазги являются предками совре-

менных абхазов. В 50-х годах XX века известный грузинский филолог П. И. Ингороква впервые предпринял попытку пересмотреть традиционный взгляд и абазг-абхазов и апсилов раннего средневековья объявил картвельскими племенами. Однако, официальная грузинская историография (прежде всего, в лице тогдашнего ее лидера акад. Н. А. Бердзенишвили) встретила настороженно гипотезу П. И. Ингороква и сохранила приверженность к прежней трактовке. Подтверждением тому могут служить все обобщающие издания по истории Грузии-Абхазии вышедшие в 50-80-х годах, начиная с „Очерков истории Абхазской АССР“ (главный редактор Г. А. Дзидзария), заканчивая учебниками и учебными пособиями по истории Грузии и главное, восьмитомным фундаментальным изданием „Очерков истории Грузии“ (главный редактор акад. Г. А. Меликишвили), в которых не оспаривается принадлежность абазг-апсилов к абхазо-адыгскому этническому миру. Следует отметить, что точка зрения П. И. Ингороква подверглась резкой критике со стороны абхазских ученых (З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, М. М. Трапш, Ш. Д. Инал-ипа и др.).

В последние годы среди некоторых грузинских исследователей наблюдается определенное увлечение, во что бы ни стало реанимировать гипотезу П. И. Ингороква. Однако, со всей ответственностью можно констатировать, что эти попытки, несмотря на высокий научный авторитет отдельных ученых, на наш взгляд, пока что не могут считаться успешными и мы, по-прежнему, придерживаемся точки зрения об абхазо-адыгском происхождении абазгов и апсилов.

Касаясь вопроса об этнической идентификации абазг-апсилов, следует разъяснить и вопрос о терминологическом взаимоотношении с одной стороны этнонимов „абазг“, „абхаз“, „абаза“ и „апсил“, „апсар“, „апсуа“ с другой. В науке (К. С. Ломтатидзе, О. Кахадзе, Е. Осадзе, Т. Гванцеладзе и др.) долгое время казалось бесспорным идентичность этнонимов: „абазг“, „абхаз“, „абаза“. С последней связывали этноним „апсуа“, который по фонетическим закономерностям считают производным от „абаза“. Однако, в последнее время академик Т. В. Гамкрелидзе подверг серьезному сомнению идентичность этнонимов „абазг“ и „абаза“. По мнению ученого, „абаза“ и

„абазг“ две независимые формы. При этом греческая форма „абазг“ исходит от грузинского „абхаз“, под которым академик Т. В. Гамкрелидзе подразумевает не предков „абаза“-„апсуа“, а какое-то западно-картвельское племя.

В настоящее время предпринята попытка пересмотра и идентичности этнонимов „апсил“, „апсар“, „апсуа“. По мнению академика Д. Л. Мухелишвили, „апсил“ нельзя считать эквивалентом „апсуа“, и под „апсилами“ он подразумевает западно-грузинское племя. Вместе с тем, ученый не отрицает идентичность этнонима „апсар“ с „апсуа“-„абаза“, принадлежность которых к адыго-абхазскому этническому миру у него не вызывает никакого сомнения.

В раннесредневековых письменных источниках на территории современной Абхазии (в Кодорском ущелье, за Цебельдой) зафиксированы племена мисимян, которых однозначно следует отнести к картвельскому (сванскому) этническому миру, т.к. этноним „мисимян“ явно восходит от „мушван“ – самоназвания сванов. Попытки же некоторых абхазских историков (прежде всего Ш. Д. Инал-ипа) оторвать наряду с саниг-гениохами и мисимян от картвельского этнического мира не имеют ничего общего с научной логикой и всецело продиктованы сепаратистско-националистической конъюнктурой.

В раннем средневековье на территории современной Абхазии были представлены и лазы. Их проживание, в основном, предполагается в южных районах Абхазии, хотя не исключено, что когда-то они были расселены и в северной части, о чем может свидетельствовать существование там топонима: „Старая Лазика“, которая, по мнению специалистов (Д. Л. Мухелишвили и др.), локализуется у устья р. Негопсухо, северо-западнее от современного города Туапсе.

Такова этно-демографическая картина северо-западной части исторической Колхиды в первых веках (до VIII в.) нашего летоисчисления. Как видим, **и в этот период большую часть территории современной Абхазии занимали картвельские племена саниггов, лазов и мисимян.** Что же касается собственно абхазских племен: абазгов и апсилов, то на первом этапе (в I-II вв. н.э.) они ориентировочно населяли территорию между реками Галидзга и Келасури. Позже, уже к V-12

VI вв. они переместились на север и заняли область между рек Кодори (или Келасури) и Бзиби.

Политико-государственный облик северо-западной Колхиды с древнейших времен до VIII в. н.э. Возникновение древнейших государственных образований на территории Грузии ученые предполагают, как минимум, с конца II тысячелетия до н.э., когда в ассирийских клинописных надписях появляется информация о „Даиаени“ (позже Диаухи урартских источников) и „Килхи“, под которыми специалисты видят Колху (Колхиду) эпохи мифических аргонавтов. В VIII веке до н.э. Колха урартских клинописей представляла собой страну с достаточно четкой организацией государственной власти.

Примерно в VII-VI вв. до н.э. в пределах Западной Грузии, на развалинах Колхского объединения, вновь возникает государственное образование во главе которого, по данным древнегреческих авторов, стояли потомки легендарного царя Айета. Крайнюю северо-западную границу этого государства ученые ищут в районе современного Туапсе, где находилась „Старая Лазика“. Исходя из этого, совершенно очевидно, что территория современной Абхазии полностью входила в состав Колхидского царства, и этот регион „являлся и этнически и территориально органической частью“ (Д. Мухелишвили) колхидского государства.

К началу I века до н.э. в Колхиде уже не было единого государства. Принято считать, что объединенные в свое время под эгидой царя колхов племена к этому времени вновь обрели независимость. В этот период территория исторической Колхиды попадает под контроль грозного понтийского царя Митридата VI, а с 65 года до н.э. здесь устанавливается гегемония Рима. В I-II веках н.э. на территории исторической Колхиды официально оформляются новые этнополитические образования – т.н. „царства“: макронов и генихов, лазов, апсиллов, абазгов, санигов. Территория современной Абхазии была поделена между Лазикой (примерно до р. Галидзга), Апсилией и Абазгией (предположительно от р. Галидзга до р. Келасури) и Санигией, в пределах которой и находился Себастополис (т.е. современный Сухуми) и которая простиралась примерно до Сочи, возможно, даже до Туапсе. **Т.о. большую**

часть территории современной Абхазии занимали государственные образования санигов и лазов, картвельское происхождение которых не вызывает никакого сомнения. Собственно абхазскими этнополитическими образованиями можно считать лишь „царства“ апсиллов и абазгов.

Эти объединения представляли собой раннеклассовые государственные образования, во главе которых стояли местные династии, назначаемые или утверждаемые римскими императорами. Примерно с III века при поддержке римских властей на территории Западной Грузии начинает усиливаться „Царство лазов“. К концу IV в. Лазское (Эгрисское) царство охватывало уже территорию всей Западной Грузии, включая и современную Абхазию, и превратилось в достаточно мощную державу, которую византийские авторы того периода однозначно воспринимали как правопреемницу древнего Колхидского царства. Территория современной Абхазии, по-прежнему, оставалась органической частью лазско-эгрисского государства, хотя правители Абазгии, которая к этому времени (IV в. н.э.) была представлена в новых границах (предположительно между рек Гумиста и Бзыби), пользовалась значительным суверенитетом и фактически лишь номинально признавала верховенство лазских царей. Что же касается Апсиллии, то она, в отличие от Абазгии, административно входила в Лазику и управлялась присланными из центра чиновниками. Один из таких чиновников Тердат – „знатный лаз“, назначенный Губазом II-м, царем Лазики, наместником Апсиллии, в середине VI века поднял мятеж против своего царя. Однако, центральной власти Лазики-Эгриси при активной поддержке византийцев удалось навести порядок в крае, и апсиллы вновь стали „подданными лазов“.

В V-VI вв. Византийская империя, всемерно добиваясь большей лояльности к Константинополю со стороны лазских царей, начала поощрять стремление абазгских правителей выйти из-под юрисдикции Лазики и непосредственно подчиниться империи. В это время (в первой половине VI века) византийские власти отторгли Абазгию от Эгриси и в церковном отношении и создали там независимую от Лазского митрополита епархию. Во всяком случае, византийские источники VI века повествуют об особой активизации миссионерской дея-

тельности империи в пределах Абазгии во времена императора Юстиниана I (527 – 565гг.).

Все это, а также обострение общеполитической обстановки в Западной Грузии, вызванное протекавшей здесь двадцатилетней ирано-византийской войной, не могло не помешать политической консолидации эгрисского государства, и оно постепенно начало клониться к упадку. На протяжении II половины VI и первой половины VIIв. Византийская империя все больше наращивала свое давление на центральную власть Лазики-Эгриси и всемерно добивалась ограничения ее влияния на местах. Несмотря на это, в середине VII века Апсилия и Мисиминия по-прежнему оставались в непосредственном подчинении правителя Лазики. Более того, в это время, почти по документальному указанию византийского автора VII века Феодосия Гангрского, одна из резиденций правителя Лазики, который, кстати, уже не назывался царем, а носил византийский титул патрикия, находился в районе Моквы. Это, безусловно, прямое подтверждение реального распространения власти правителя Лазики на этой части территории современной Абхазии.

К концу VII века правящий дом Лазики-Эгриси в лице патрикия Серги Барнукис-дзе решил выйти из-под повиновения Византийской империи и пригласил в страну арабов, которые разместили свои гарнизоны не только в центральных областях Лазики, но и на окраинах, в том числе и на территории современной Абхазии, в частности, в крепостях Кодорского ущелья. В это время арабы взяли под свой контроль и Абазгию.

Установлением арабского владычества в Западной Грузии, естественно, был нанесен серьезный удар интересам Византийской империи в Закавказье, и оно не могло не вызвать соответствующую реакцию со стороны Константинополя. Византийская империя и ее главный союзник в противостоянии с Арабским халифатом – Хазарский каганат – в первой трети VIII века нанесли ряд чувствительных ударов арабам в Закавказье. В этой антиарабской кампании важную роль играл правитель Картли (предположительно Степаноз), на которого и стали делать главную ставку византийские власти в своих ак-

циях против Халифата в Закавказье. Имеются все основания предположить, что правитель Картли в это время при поддержке Византии распространил свою власть на Западную Грузию.

Во всяком случае, в середине 30-х годов VIII века, когда известный арабский полководец Мерван ибн-Мухаммад, прозванный в Грузии Мурваном „Кру“ („Глухой“), совершил свою карательную экспедицию в Западную Грузию, здесь не было местного династа, и Лазику-Эгриси рассматривали как часть государства Картлийского эрисмтавара. Границы этого государства, которого, кстати, впервые источники называют „საქართველო“ („Грузия“), проходили по реке Келасури, за которой была Абхазия, считавшаяся в это время непосредственно византийским владением и управляемая назначенным императором эриставом.

В византийских источниках, освещающих события этого периода, упоминается и правитель Апсилии, или „первейший среди апсилон“ – Маринос, который в начале VIII века активно сотрудничал с Византией, за что, по-видимому, и получил титул патрикия. Источники называют также и сына Мариноса – Евстафия, которого где-то в 738-740гг. пленил арабский полководец Сулейман ибн-Асам. После этого Апсилия как отдельная этнополитическая единица, прекратила свое существование и постепенно слилась с Абазгией – Абхазети.

Глава II

„Абхазское“ царство – Западногрузинское государство, правопреемник Колхидского и Лазского царств

Политическая ситуация в Грузии накануне образования „Абхазского“ царства. К середине VIII в. произошла определенная этническая консолидация вокруг абазг-абхазов, но этот процесс нельзя рассматривать как окончательное формирование т.н. абхазской феодальной народности со своим этнокультурным и национально-государственным менталитетом, получившего якобы логическое завершение в создании собственно абхазского национального государства – царства „абхазов“.

В VIII–IX вв. не было никаких объективных условий для консолидации абхазских племен в абхазскую народность, наоборот, налицо все условия для интеграции этих племен в грузинский феодальный народ (Н. Ю. Ломоури). Ярким свидетельством того, почему абхазские племена не смогли или, по крайней мере, не успели консолидироваться в единый народ со своей письменной и национально-государственной традицией, может служить как раз история т.н. царства „абхазов“, с самого начала являющегося не абхазским национальным государственным образованием, а грузинским государством, ставшим колыбелью единой грузинской государственности.

На протяжении VIII–IX вв. произошли существенные изменения в государственном и политическом устройстве Грузии. На развалинах древнейших грузинских государств Колхиды–Лазики–Эгриси и Иберии–Картли возникли отдельные царства-княжества: Кахети, Эрети, Тао-Кларджети, Царство „Абхазов“ и Тбилисский эмират. Эти изменения, в основном, были обусловлены факторами внешнеполитического характера, в частности, арабо-византийским военным противостоянием в Закавказье. Своего апогея это противостояние достигло в 30-х

годах VIII в., когда вся Грузия, как Восточная, так и Западная, стала ареной опустошительного похода грозного арабского полководца Мурвана ибн-Мухаммеда (Мурвана „Кру“).

Во время этого похода Мурван-„Кру“, завоевав центральные области Эгриси, переправился через р. Келасури, которая в ту пору, по словам грузинского летописца, была границей между Грузией и Византией, сокрушил город Апшилету Цхуми и обступил Анакопию (современный Новый Афон), резиденцию „Эристава Абхазии“ Леона, у которого нашли убежище преследуемые арабским полководцем сыновья эрисмтавара Картли Степаноза – Мир и Арчил. У стен Анакопийской крепости произошло героическое сражение, в котором совместное картлийско-абхазское войско – всего 3 тыс. воинов (из них абхазов 2 тыс., картлийцев – 1 тыс.) одолело 35-тысячное войско арабов, которые были вынуждены отступить, а затем вовсе покинуть Западную Грузию.

С походом Мурвана „Кру“ в Западную Грузию и его результатами связывает древнегрузинская историческая традиция определенные изменения в политической и государственной структуре страны. В частности, происходит официальное признание Византийской империей представителей правящего дома Картли Мира и Арчила в качестве общегрузинских лидеров – „царей“ Картли-Эгриси, „Эристава Абхазии“ Леону же византийский император пожаловал наследственные права на Абхазию. Одновременно произошло сближение „эристава кесаря“ Леона с домом Мира и Арчила, завершившееся династическим браком – взяв в жены одну из дочерей Мира, Леон тем самым стал полноправным членом правящего дома Картли-Эгриси. Правитель Абхазии пошел еще дальше, он отказался от предложенных Арчилом, ставшим после смерти старшего брата Мира, единственным властителем Картли-Эгриси, территориальных приобретений и объявил себя вассалом Картлийского эрисмтавара, а свое владение – частью государства „царя“ Арчила. Взамен абхазский владетель получил весьма значительную в политическом плане компенсацию, ему была передана царская корона, присланная византийским императором его тестю Миру. Этим самым руководитель Абхазии сразу же стал ведущей политической фигурой в общегрузинском

масштабе, фактически вторым лицом в государстве и положил начало качественно новому этапу своей политической карьеры.

Образование „Абхазского“ царства и его национально-государственный облик. Во второй половине VIII в. дом Леона, удачно использовав свое выгодное легитимное положение, постепенно начал добиваться установления своей гегемонии в масштабе всей Западной Грузии. К 80-м годам VIII века, когда известный грузинский писатель Иован Сабанисдзе писал свое знаменитое агиографическое произведение „мученичество Або Тбилели“, уже вся Западная Грузия была под властью правителя („мтавари“) Абхазии. Более того, Иован Сабанисдзе документально подтверждает, что тогда Абхазией называли не только территорию собственно „эриставства Абхазии“, а всю Западную Грузию.

В конце VIII века представитель дома Леона, его племянник Леон II, воспользовавшись ослаблением Византийской империи, при помощи хазар отложился от нее (т.е. Византии), захватил власть в уже объединенном его предшественником в Эгриси-Апхазети и объявил себя „царем абхазов“. Так было положено начало т.н. „Абхазскому“ царству. Следует особо отметить, что древнегрузинская историческая традиция этот акт однозначно увязывает с определенным династическим кризисом в царском доме Арчила. По словам автора „Матиане Картлиса“ („Летопись Картли“ – так принято называть условно анонимную хронику XI века, освещающую историю Грузии этого периода), принятие Леоном II царского титула, стало возможным потому, как „Иоване — сын Арчила, который сидел на месте эгрисских царей не был в живых, а Джуаншер, его брат был слишком стар, а затем и тот скончался“. Т.е. этим самым грузинская летопись (кстати единственный источник, повествующий об этом событии), как бы специально подчеркивает, что в сложившейся ситуации представитель дома Леона I являлся единственным легитимным династом, который законно мог претендовать на власть в Абхазии-Эгриси. Однако, принятие царского титула правителем Абхазии-Эгриси нельзя рассматривать как сугубо внутривнутриполитический акт. Это в не меньшей степени, а может быть даже в первую очередь, было обусловлено внешнеполитическими

факторами. Не случайно грузинский летописец данное событие, т.е. объявление Леоном II своей персоны царем „абхазов“, связывает с политическим разрывом с Византией. Средневековая грузинская историография совершенно четко понимала, что принятие тем или иным грузинским лидером царского титула непосредственно определялось внешнеполитическим статусом страны и что международная конъюнктура не всегда позволяла им носить этот титул. Отказ Леона II от византийского сюзеренитета и принятие им царского титула совпал с политическим кризисом, последовавшим за государственным переворотом в Византийской империи в конце VIII в., конкретно около 797 года.

Ввиду того, что Леон II – „эристав Абхазии“ назвал себя не иначе как „царем абхазов“ („მეპე აფხაზთა“), как внутри Грузии, так и за ее пределами это новое государственное образование стали называть страной „царя абхазов“, т.е. Царством „абхазов“ или просто „Абхазией“. Однако, это вовсе не означает, что с этого времени в результате „военного покорения“ правителем Абхазии всей Западной Грузии, здесь появилось новое национальное государство апсуа-абхазов, не имеющее ничего общего с грузинской государственностью. Если бы „абхазская“ династия пришла к власти в бывшем Лазско-Эгрисском царстве как иноземная сила, якобы „оккупировавшая“ территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению чуждую абхазскую государственность, то тогда, совершенно не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезненно восприняло этот акт „агрессии“.

Достаточно самого беглого ознакомления с памятниками древнегрузинской исторической литературы, для того, чтобы однозначно убедиться в самом благожелательном отношении к представителям т.н. „абхазской“ династии со стороны буквально всех средневековых грузинских писателей и летописцев, которые в той или иной мере касались деятельности царей „абхазов“. Совершенно очевидно, что „Летопись Картли“ – главный и единственный источник, в котором изложена более-менее полная история Царства „абхазов“ и которая целиком и полностью отражает именно **грузинскую**, а не вымышленную

абхазо-апсуйскую национально-государственную конъюнктуру, не могла допустить ту лесть и восхваление, на которые явно не скупится ее автор по отношению грозных „абхазских“ царей, якобы „завоевывающих“ всю Грузию.

В представлении грузинской общественности цари „абхазов“ были не какими-то „чужестранцами“ – „завоевателями“, а такими же грузинскими лидерами, каковыми являлись, например, представители династии Багратионов. Это, безусловно, одно, общегрузинское культурно-политическое и государственное пространство, внутри которого на этот раз выдвинулась новая „абхазская“ династия.

Какая-то часть вопроса о новом названии Западной Грузии и оформившегося здесь в конце VIII века государственного образования нельзя пройти мимо и того факта, что некоторые иностранные авторы (например, известный средневековый армянский историк Ованес Драсханакертци, писавший свое сочинение в первой четверти X века) царей „абхазов“ называют эгрисскими царями, т.е. в сопредельных государствах имели совершенно четкое представление о том, какую страну называли „Абхазией“ в конце VIII века. Собственно грузинская историческая традиция дала совершенно однозначное разъяснение того, когда и почему называли историческое Эгриси „Абхазией“. Вот что пишет в этой связи крупнейший грузинский историк XVIII века Вахушти Багратиони в своем классическом труде „Описание царства грузинского“: „Название страны этой – три: первое – Эгриси, второе – Абхазия, третье – Имерети. Эгриси она была названа из-за Эгрота сына Таргамоса, которому... досталась страна эта, и называлась она так до конца правления Хосроянов (т.е. династии картлийских царей, которую и представлял дом Степаноза-Арчила – З.П.). А Абхазией /она была названа/ из-за Левана, который после первого Леона... был эриставом Абхазии. Этот Леван после смерти Хосроянов стал царем, овладел всею Эгриси целиком. И этот /Леван/ назвал Абхазией царство свое, распространив наименование своего эриставства на всю Эгриси“...

В историографии нет однозначного ответа по вопросу этнического происхождения Леона II и его предков. Высказывались мнения о греческом (П. Уварова, Д. И. Гулия), грузинс-

ком (В. Латышев, П. Ингорква и др.) и абхазском (З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-ипа и др.) происхождении династии „Леонидов“. Однако это абсолютно не имеет никакого значения, т.к. **цари „абхазов“, независимо от их этно-племенного происхождения, своей политической и государственной деятельностью однозначно представляли общегрузинский культурно-политический мир. Они создавали единое грузинское государство – ოაშაოქააქი, а не национально-государственное образование апсуа-абхазов – Апсны.**

То, что Леон II и его преемники строили именно грузинское, а не абхазо-апсуйское государство, особенно наглядно проявилось в церковной политике „абхазских“ царей. После обретения политической независимости „Леониды“ активно стали добиваться и церковного отделения от Византии. Для них было совершенно очевидным, что для окончательного освобождения страны от византийской зависимости была необходима ликвидация церковно-идеологического влияния, осуществляемого на протяжении многих веков Константинопольской патриархией и создание по-настоящему национальной идеологической опоры. И этой национальной идеологией стала не абхазо-апсуйская, а именно грузинская идеология, главной движущей силой которой была грузинская церковь. Именно поэтому цари „абхазов“ развернули бурное церковное строительство в Западной Грузии и создали все условия для широкого распространения грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности. Этому процессу сопутствовало упразднение старых греческих епархий и основание новых грузинских церковных кафедр в Западной Грузии, в том числе и на территории современной Абхазии, о чем сохранили прямые свидетельства грузинские летописи и другие письменные памятники.

Благодаря активной деятельности царей „абхазов“ в церковной сфере уже с начала X века Западная Грузия – т.е. „Абхазское“ царство, становится страной грузинской письменной культуры и грузинской христианской книжности, а западно-грузинская церковь организационно слилась с Мцхетским каталикосатом. Всё это произошло потому, что задолго до воцарения Леона II в Эгриси-Абхазети он и его предки, не говоря

уже о потомках, независимо от своего племенного происхождения считали себя представителями общегрузинского культурно-политического мира. Для них грузинский язык и грузинская христианская культура стали такими же родными, как и для остального картвельского населения Западной Грузии, в том числе для мегрелов-чанов и сванов.

Картвельские племена составляли этническое большинство в „Абхазском“ царстве. Из 8 эриставств Царства „абхазов“, образование которых древнегрузинская историческая традиция приписывает Леону II, собственно абхазы населяли только лишь территорию Абхазского эриставства, которое в то время охватывало земли, расположенные севернее реки Гумиста, примерно до Никопсии (окрестности современного г. Туапсе), хотя не исключено их частичное проживание и на территории Цхумского эриставства. Остальные же эриставства были полностью представлены исключительно картвельскими племенами (карты, мегрело-чаны, сваны).

Картвельский этнический элемент, особенно его картизированной часть, которая в численном отношении к VIII веку в Западной Грузии значительно выросла, по совершенно справедливому заключению крупнейшего абхазского историка З. В. Анчабадзе, оказался более развитым как в социально-экономическом, так и, что особенно важно, в культурном отношении. Именно это обстоятельство обусловило и то, что государственным языком Царства „абхазов“ стал язык картов (т.е. грузинский литературный), имевший письменную традицию и уже давно являвшимся государственным языком, а также языком церковного богослужения как в Восточной, так и в Южной Грузии. О возросшем значении картского (восточно-грузинского) элемента в Западной Грузии свидетельствует и то, что цари „абхазов“ столицей своего государства превратили не Цихе-Годжи – резиденцию лазско-эгрисских царей, а Кутаиси, выдвижение которого в общегрузинском масштабе древнегрузинская историческая традиция связывает с обоснованием здесь картлийских эрисмтаваров в 30-х годах VIII в. Этот факт является ещё одним доказательством того, что „Леониды“ однозначно считали себя законными наследниками именно „царского“ дома Степаноза-Арчила и что с переходом из

Анакопии – резиденции „эриставов Абхазии“ – в Кутаиси (бывшим в то время стольным городом правителей Картли-Эгриси) Леон II явно подчеркнул свою легитимную принадлежность к царскому дому Арчила.

Т.о. Царство „абхазов“ – это новое западногрузинское государство, возникшее на развалинах Лазско-Эгрисского царства. Оно является своего рода правопреемником древне-колхидского и лазско-эгрисского государств. **Более того, образование „Абхазского“ царства качественно новый этап в истории грузинской государственности. В отличие от Лазики-Эгриси (не говоря уже о древней Колхиде), национально-государственное строительство которого явно следует считать далеко не завершенным (стоит вспомнить, что языком государственного делопроизводства и церковного богослужения в Лазике-Эгриси оставался греческий язык), „Абхазское“ царство было первым, по-настоящему грузинским национальным государством в Западной Грузии со своей грузинской национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком. Всецело грузинской была и политическая направленность „Абхазского“ царства. Оно неуклонно стояло на страже общегрузинских политических и государственных интересов. Именно неустанная забота Кутаисского престола, направленная на дальнейшее расширение и упрочение „Абхазского“ царства в конечном итоге и привела к созданию единого грузинского государства под эгидой царя „абхазов“ в начале XI века.**

Глава III

Современная Абхазия в составе единого грузинского государства в XI-XV вв.

Современная Абхазия в XI-XIII вв. В конце X и начале XI вв. завершился длительный процесс объединения грузинских земель и образовалось единое государство, во главе которого оказался царь „абхазов“ и „картвелов“ Баграт III Багратиони. Объединение Грузии означало, прежде всего, слияние двух престолов: „абхазского“ (западногрузинского) и „картвельского“, что подразумевало государственное образование, возникшее ещё в начале IX века в Южной Грузии – Тао-Кларджети и выступавшее в роли правопреемника бывшего Картлийского царства. Титулатура первого царя объединенного грузинского государства начиналась со слов „Царь абхазов“. Это было выражением той ведущей роли, которую сыграло западногрузинское государство – „Царство абхазов“ – в объединительном процессе. Именно вокруг Кутаисского престола происходило собирание всех грузинских земель и формирование общегрузинской государственности. И это отнюдь не было связано со сменой династий, т.к. царевич Баграт занял западногрузинский престол не как Багратиони, а как легитимный представитель (по материнской линии) династии „Леонидов“ – внук (сын дочери) самого выдающегося царя „абхазов“ – Георгия II (922-957 гг.), достигшего наибольших успехов в борьбе за гегемонию в общегрузинском масштабе.

С воцарением Баграта III в Кутаиси Царство „абхазов“ не претерпело каких-либо изменений как в этнополитическом, так и государственно-правовом отношении. Произошло всего лишь дальнейшее расширение пределов „Абхазского“ царства, которое уже охватило территорию всей Грузии (за исключением Тбилисского эмирата и южной части Тао – владений Давида Куропалата) и трансформировалось в общегрузинское государство. Именно поэтому буквально все грузинские летописцы XI-XII веков страну, т.е. всю Гру-

зию, порой без всяких комментариев, называли не иначе, как „Абхазия“. Аналогично обстоит дело и с иноязычными письменными источниками, освещающими события XI-XII вв., в которых термин „Абхазия“ („Абазгия“, „Обези“ и т.д.) однозначно подразумевают только „Грузию“ и единое грузинское государство. Наука пока что не располагает ни одним иноязычным источником этого периода, в котором термин „Абхазия“ имел бы иное значение.

Территория современной Абхазии не представляла собой единый организм в административном плане. Она еще со времен Леона II – основателя „Абхазского“ царства, была разделена на следующие административные единицы — эриставства: **Абхазское** – северная часть, примерно от Гумисты или Анакопии (Новый Афон) до Никопсии (севернее нынешнего города Туапсе), далее **Цхумское** – часть современного Гудаутского района, примерно до Анакопии, Сухумский и Гульрипшский районы, часть Очамчирского района, и **Бедийское** – часть Очамчирского р-на и Гальский р-н.

Статус эриставов Абхазии, Цхуми и Бедии (Одиши) ничем не отличался от статуса других эриставов. Они, наряду с другими западногрузинскими эристами, находились не в прямом подчинении царю, а в „непосредственном ведении министра царского двора (мсахуртухуцеси – управляющий хозяйством царского дома), являвшегося в Западной Грузии своего рода царским наместником“. В источниках сохранились отрывочные сведения об эриставах Бедийском, Цхумском и Абхазском. Т.н. в начале XIII в. во главе Абхазского эриставства стоял представитель знатного рода Шарвашидзе – Дотагод.

В науке нет единого мнения по вопросу происхождения и времени выдвижения рода Шарвашидзе. Некоторые ученые (М. Броссе, Д. И. Гулия, З. В. Анчабадзе) считали их потомками одного из представителей дома Шарваншахов, направленного Давидом IV Строителем в Абхазию после присоединения Ани к Грузии. Однако существует также мнение, что предки Шарвашидзе играли активную роль в пределах Абхазского эриставства еще в XI в.

Территория современной Абхазии в период существова-

ния единого грузинского государства, как метко заметил видный абхазский историк и этнограф Ш. Д. Инал-ипа, „меньше всего походила на отдаленную провинциальную область“. В XI-XII вв. эриставства, расположенные на территории современной Абхазии, были опорой царей Грузии в борьбе против феодальной оппозиции. Не случайно, что первый царь объединенной Грузии Баграт III одной из своих резиденций (может быть, даже главной) сделал Бедию, где и построил великолепный храм – свою усыпальницу. Нет ни одного факта, который бы свидетельствовал об антиправительственных, тем более о сепаратистских настроенных абхазских феодалов, якобы недовольных упразднением „Абхазского“ царства. Наоборот, всё говорит о том, что они были одними из наиболее верных подданных царей объединенной Грузии, называющих себя, в первую очередь, царями „абхазов“. Абхазская знать всегда играла важную роль при царском дворе, как в Кутаиси, так и в Тбилиси, после переноса туда столицы государства Давидом IV Строителем. Значительно возросла роль расположенных на территории современной Абхазии эриставств, в частности, Цхумского эриставства. Сам же город Цхуми-Сухуми – одна из летних резиденций грузинских царей, по словам известного русского ученого В. Сизова, изучившего в XIX в. исторические древности Восточного побережья Черного моря, стал важнейшим „культурным и административным центром грузинского государства“.

Собственно абхазы постоянно фигурируют в военно-политических акциях грузинского государства на протяжении всего XI-XII вв. Они, естественно, принимали участие во всех военных баталиях. Абхазы ничем не отличались от жителей других регионов объединенного Грузинского царства. В XI-XII вв. теперешняя Абхазия не имела никакой автономии. Она даже не была единой в административном отношении. **Единственная привилегия, которой добивались абхазы XI-XII вв., была неустанная борьба за дальнейшее укрепление и упрочение военно-политического могущества своего отечества – объединенного Грузинского государства.**

В XI-XII вв. на территории современной Абхазии процветала средневековая грузинская христианская культура. В этом

плане, данный регион, как верно пишет З. В. Анчабадзе, ни в чем не уступал „другим областям Грузии“. В это время в Абхазии было построено множество христианских храмов, среди которых уже упомянутый нами Бедийский собор, воздвигнутый царем-объединителем Баграта III-м и ставший, наряду с храмом Баграта в Кутаиси, символом единой грузинской государственности. Замечательным памятником грузинского христианского зодчества являются Лыхненский (рубеж X-XI вв.) и Пицундский (XII в.) храмы. На территории современной Абхазии строились в этот период крепости и другие оборонительные сооружения, среди которых следует назвать крепостные укрепления на Иверской горе Анакопии (Новый Афон), сооруженные в разное время (с IV по XI вв.), а также замок Баграта, расположенный на одном из холмов юго-восточной части Сухуми. Данная крепость являлась цитаделью средневекового Сухуми и охраняла порт, расположенный тогда у устья реки Беслетки, и всю эту местность. Типичным памятником средневековой грузинской архитектуры является и одноарочный Беслетский мост близ Сухуми, на котором высечена древнегрузинская надпись, датируемая по палеографическим особенностям XI-XII вв.

Христианские храмы расположенные на территории современной Абхазии были центрами грузинской книжности и просвещения. Письменная культура региона в это время была исключительно грузинской. Почти все дошедшие до нас лапидарные надписи XI-XII вв. сделаны на грузинском языке. **Никакой иной, помимо грузинской, национальной цивилизации на территории современной Абхазии в XI-XII вв. не было – Абхазия в это время целиком и полностью оставалась страной грузинской средневековой христианской культуры.**

Абхазия в XIII-XV вв. В XIII в., в результате опустошительных нашествий сначала Хорезмшаха Джалал ад-Дина, а затем покорения Грузии монголами, не только была существенно подорвана военно-политическая мощь страны, но и появились первые бреши в единой грузинской государственности. В 40-х годах XIII в. монголы разделили Грузию на восемь думанов (военно-административные округа), из них два были

в Западной Грузии. Территория современной Абхазии вошла в думан, управление которым было поручено Цотне Дадиани. Жители нынешней Абхазии, в том числе собственно абхазы, и в этот период продолжали активно участвовать в общегрузинских процессах. Так, например, по словам анонимного грузинского хронографа XIIIв., описавшего столетний период монгольского владычества в Грузии, абхазы участвовали в походе царя Лаша-Гиоргия – сына и преемника царицы Тамар – на Ганджу. Этот же источник повествует о том, как Лаша-Гиорги „охотился в Цхуми и Абхазии и ведал делами тамошними“. Данное сообщение привлекает интерес в том плане, что летописец четко отделяет друг от друга Цхуми и Абхазию. Это лишнее доказательство того, что в XIIIв. эти области не составляли одну административную единицу, не говоря уж о владетельном княжестве – Абхазия, чуть ли не в границах современной автономной республики.

Абхазы также активны на общегрузинской арене и в период правления царицы Русудан. При активном участии абхазов произошло провозглашение Давида – сына Русудан царем Грузии в Кутаиси. В конце 40-х годов XIIIв., после поражения антимонгольского восстания, тот же Давид, сын Русудан, прозванный монголами Нарином, вынужден был покинуть Тбилиси и перебраться в Западную Грузию, где, по словам грузинского летописца, „абхазы, сваны, Дадиани, Бедиани, Рачинский эристав и все жители Лихт-Имерети собрались с огромной радостью и объявили его царем“. С этого времени единое грузинское государство фактически распалось на два царства. В Восточной Грузии правил сын Лаша-Гиоргия – Давид (Улу), в Западной Грузии – Лихт-Имерети Давид Нарин фактически создал отдельное государство, которое просуществовало до конца 20-х годов XIVв. Территория современной Абхазии оказалась в пределах государства Давида Нарина.

Интересное сообщение о деятельности этого монарха на территории современной Абхазии сохранилось в надписи, высеченной на одной серебряной иконе из Илорского храма (находится близ нынешнего города Очамчире), что прямо свидетельствует о принадлежности данного региона к общегрузинскому христианскому миру и в этот период. Вопрос

этот поднят нами не случайно: сепаратистский настроенные историки и отдельные русские исследователи рьяно пытаются распространить мысль о существовании в средних веках абхазской национальной церковной организации – „Абхазского Католикосата“.

Прежде чем разъяснить национально-культурную сущность т.н. „Абхазского Католикосата“, считаем нужным вкратце затронуть вопрос о возникновении этого института. В историографии всё еще нет точного ответа, когда начал функционировать т.н. „Абхазский Католикосат“. Хотя в источниках нет прямых подтверждений, гипотетически вполне можно допустить возникновение в Западной Грузии самостоятельной церковной организации во главе с Католикосом еще во времена правления „Леонидов“ в „Абхазском царстве“, т.е. в IX-Xвв. В этой связи, ученые обращают внимание, прежде всего, на сообщение грузинского историка XVIIIв. Вахуштия Багратиони о том, что западногрузинская церковь, „при помощи... Леона и его наследников, освободилась от зависимости греков (т.е. Византии – З.П.), ибо об этом свидетельствует имя его, так как именуют его католикосом Абхазети, а не Эгриси или Имерети“. В XI-XIIвв. мало что известно об „абхазских“ католикосах и лишь с XIIIв., в связи с воцарением Давида Нарина в Западной Грузии, встречаем упоминание о них. Окончательное же оформление „Абхазского“ католикосата, как самостоятельной церковной организации, происходит во II пол. XVв. и следует особо отметить, что собственно абхазы не имели к этому никакого отношения. Этот акт произошел по инициативе западногрузинских лидеров – Имеретинского (он же и Картли-Имеретинский) царя Баграта и великого эриставт-эристава Дадиани-Гуриели Шамадавле, которые, при непосредственном участии Антиохийского патриарха Михаила, возвели на престол католикоса „Лихтимера и Абхазии“ владыку Иовакима. По этому поводу был составлен специальный документ – „Мцнеба сасджуло“ („Каноническая заповедь“), в котором, помимо прочего, были указаны границы деятельности „Абхазского“ католикоса: Имерети, Гурия, Одиши, Абхазети, вся Аджария, Шавшети и Кларджети.

В историографии совершенно однозначно признано, что

учреждение „Абхазского“ католикосата во II пол. XVв. означало победу сепаратистских устремлений руководителей Западной Грузии – царя Имерети Баграта и главы владетельского дома Дадиани – Шамадавле, которым, в угоду своих политических амбиций, понадобилась „своя“ церковь, независимая от Мцхетского католикосата, олицетворявшего общегрузинское идеологическое единство. То, что т.н. „Абхазский“ католикосат, вопреки фантастическим выдумкам любителей сенсации, представлял собой не абхазскую, а чисто грузинскую церковную организацию, наглядно свидетельствуют другие письменные источники и, прежде всего памятники, непосредственно освещающие деятельность „Абхазского“ католикосата: т.н. „Большой ядгар Абхазского католикосата“ (или „Бичвинтский ядгар“) и „Большой ядгар крестьян Абхазского католикосата“. Первый из этих памятников, по мнению исследователей, создавался в XVI-XVIIвв. и в основу его древнейшей части, или собственно „Ядгара“, составленного на рубеже XVI-XVIIвв., был положен „Ядгар“ Баграта III – известного имеретинского царя, правившего в 1510-1565гг., пожалованный Бичвинтской (Пицундской) церкви, а вторая часть этого памятника представляет собой сборник жалованных грамот имеретинских царей, католикосов и владетельных князей Западной Грузии. Что же касается второго памятника, то он был составлен в 1621г. по заказу католикоса Малакии и в нем зафиксированы принадлежащие католикосу крестьяне в пределах Имерети, Гурии и Одиши.

Таким образом, как видим, национально-культурный облик т.н. „Абхазского“ католикосата не вызывает никакого сомнения: данная церковная организация целиком и полностью была грузинской. Единственное, что связывает т.н. „Абхазский“ католикосат с абхазским этническим миром, это то, что резиденция католикосов долгое время (по мнению З. В. Анчабадзе, вплоть до середины XVIIв.) находилась в Бичвинта (Пицунда), т.е. на территории Абхазского эриставства. Тот факт, что центром Западно-грузинской церкви являлась Бичвинта, может говорить лишь об одном – этнические абхазы и в это время продолжали оставаться в ареале грузинского христианства. Вместе с тем, следует отметить, что и после

переноса резиденции „Абхазских“ католикосов из Пицунды в Гелати, Бичвинта-Пицунда оставалась важнейшим центром западногрузинской церкви. Там происходило освящение мира и другие торжественные ритуалы.

После смерти Давида Нарина (1293г.) в Западной Грузии началась междоусобица, чем воспользовался Гиорги Дадиани, который, по словам царевича Вахушти, „прибрал к своим рукам Цхумское эриставство и завладел Одиши целиком до Анакопии“.

На протяжении всего XIVв. Западногрузинские эриставы, в том числе эриставы Абхазии – Шарвашидзе стабильно проявляли верность к центральной власти, т.е. Тбилисскому престолу, чем значительно способствовали сохранению единства общегрузинского государства. Вместе с тем, в это время, в пик имеретинских Багратионов и благодаря поддержке центральной власти происходит дальнейший рост могущества правителей Одиши (Мегрелии) – Дадиани, которые становятся фактическими лидерами Западной Грузии. Они на протяжении XIV столетия постоянно владели Цхумским эриставством. Под их влиянием находились и эриставы Абхазии – Шарвашидзе. По данным арабских (ал-Муhibби, ал-Калкашанды) и западноевропейских (Иосафат Барбаро) авторов XIV-XVвв. граница Мегрелии „простиралась до Черкесии“, а „Дадимани (Дадиани) управлял Сухуми и Абхазом“. Цхуми-Сухуми был стольным городом правителей Одиши–Мегрелии. Именно в этом городе находился монетный двор, где один из наиболее влиятельных представителей дома Дадиани – Вамек I (1384–1396) чеканил собственную монету.

В начале XVв. царь Грузии Гиорги VII (1393–1407) подтвердил права преемника Вамека I Дадиани – Мамия (1396–1414) на Цхумское эриставство. В 1414г. Мамия Дадиани организовал военную экспедицию для „покорения абхазов“. Однако эристав Абхазии „Шарвашидзе с абхазами... истребили мегрелов, убили Мамия Дадиани“. В конфликт вмешался царь объединенной Грузии Александр I Великий (1412-1442), который вступил в Абхазию. Эристав Абхазии Шарвашидзе встретил царя почтительно, „подчинился... его повелениям“.

В середине XVв., по указаниям иностранных наблюдате-

лей правители Одиши – Дадиани (Бедиани) признавались „царями Мегрелии и Абхазии“. Примечательно, что только с их согласия Генуэзское правительство назначало своего представителя (консула) в Севастополе–Сухуми.

Падение Константинополя (в 1453г.) и активизация турков-османов в северном и восточном Причерноморье внесли существенные коррективы в геополитическую обстановку региона, а это повлекло за собой серьезные осложнения на территории современной Абхазии. В 1454г. турки высадили первый десант в районе Сухуми и разграбили город, а также побережье Абхазии. Однако, царь Грузии Гиорги VIII (1446–1466), молниеносно отреагировав, незамедлительно вступил в Абхазию и „вернул местных жителей в свои дома, привел в порядок укрепления и управившись делами тамошними возвратился в Гегути“ (одна из резиденций царей Грузии).

В 1455г. на Сухуми „внезапно напали“ уже „авогази“ (джико-абхазы) и обратили местное население в бегство. В 60-х годах XVв. Абхазское эриставство по-прежнему было вовлечено в общегрузинские политические процессы. В это время эристав Абхазии Шарвашидзе поддержал Баграта Багратиони „объявившего себя царем Лихт-Имерети“ (Западная Грузия)“, за что получил от Кутаисского престола „власть над абхазами и джиками“. Абхазское эриставство во второй половине XVв. признавало сюзеренитет правителя Одиши-Мегрелии, при этом „Верхняя Абхазия“ непосредственно входила в состав Одишского княжества, а „Абхазией до Джикети владел Шарвашидзе“, который „подчинялся не всем повелениям Дадиани“.

Глава IV

Этнополитический и социально-культурный облик Абхазии в XVI-XVIII вв.

Начиная с XVI в. на территории современной Абхазии произошли существенные изменения. Она из высокоразвитого феодального региона, где процветали христианская культура и книжность, постепенно превратилась в отсталую страну с примитивным патриархальным хозяйством и реанимированными языческими верованиями. Как грузинские („Каноническая заповедь“, сочинение Вахуштия Багратиони), так и иноязычные источники (сведения католических миссионеров Арканджело Ламберти, Джованни да Лука и др.) документально подтверждают, что „абхазы... отошли от христианства и отступили от заповедей Христа“, и что „их образ жизни такой же какой у Черкесов“.

Изменения, произошедшие в социально-культурной жизни Абхазии в XVI–XVIII вв., в основном были вызваны новым натиском с Северного Кавказа родственных джико-абхазских племен и их экспансией сначала в пределах Абхазского эриставства, а затем и на остальной территории нынешней Абхазии. В историографии (в том числе и в трудах абхазских исследователей) не вызывает сомнения, что предания адыгов о „покорении Абхазии“ (в первой четверти XV в.) предводителем адыгов Иналом и его сподвижниками, абазинскими князьями Аше и Шаше, являются отголосками реальных событий и что в этих исторических преданиях „часто рассказывается о том, как приходили в Абхазию один за другим целые роды или отдельные лица откуда-то с Севера из-за гор“ (Ш. Д. Инал-ипа).

Эриставский дом Шарвашидзе, на протяжении многих столетий олицетворявший общегрузинский государственный порядок в регионе, не только не препятствовал проникновению джиков-абхазов в пределы вверенного им Абхазского эриставства, но, наоборот, сам выступал в роли главного организатора дальнейшей экспансии назван-

ных горских племен в юго-восточном направлении и использовал их в своей борьбе против владетелей Одиши-Мегрелии.

В XVв. центральной власти Грузии все же удавалось как-то сдерживать натиск джико-абхазов, однако, после распада единого грузинского государства (конец XVв.) это становилось все труднее. На первых порах владетели Одиши–Мегрелии, которые по-прежнему контролировали большую часть территории современной Абхазии, временами пытались нанести превентивные удары по джикам-абхазам. Так в 1533г. владетельный князь Мегрелии Мамия III Дадиани, пожаловавший в период своего правления (1512–1533) Бичвинтской (Пицундской) Богоматери несколько селений с дворянами и крестьянами (в том числе селения, расположенные непосредственно в окрестностях самой Бичвинты-Пицунды: Аитарне, Аруха и Рабица) вместе с Мамией I-м Гуриели, при поддержке имеретинского царя Баграта III (1510–1565) снарядил морскую экспедицию и высадился в Джикети. Но этот поход завершился поражением Дадиани и Гуриели: сам Мамия Дадиани был убит, а Мамия Гуриели попал в плен.

Несмотря на это, на протяжении всего XVIв. значительная часть территории современной Абхазии „до Сухуми“ считалась „Дадианской землей“. Контроль над Сухуми владетельский дом Дадиани потерял в 1578г., когда турки высадили десант и объявили о создании Сухумского бейлербейства. В начале XVIIв. ослаблением Одиши–Мегрелии воспользовались представители Абхазского эриставского дома Шарвашидзе и предприняли энергичные шаги для выхода из-под контроля дома Дадиани. Принято считать, что именно в это время завершилось формирование независимого от Одиши–Мегрелии Абхазского владетельного княжества. Граница между владениями Дадиани и Шарвашидзе в этот период (в 1630г.) по документальному свидетельству итальянского миссионера Джованни да Лука проходила в окрестностях Сухуми-Скисорнума, по реке Абсе (совр. р. Беслетка). Одной из резиденций Одишского владетеля оставалась Меркула (в совр. Очамчирском р-не), где в 1615г. Леван II Дадиани подписал мирный договор с Османской империей. Позже, в 1639г., неподалеку от Мерку-

ла, в Киачи была похоронена жена Левана Дадиани – Нестан-Дареджан, а поминки были устроены во дворце владетеля в Квитоули (также в Очамчирском р-не). Еще один дворец Левана II Дадиани был расположен на берегу реки Галидзга. Этот дворец по просьбе „Абхазского“ (Западно-грузинского католикоса Малакии II – Гуриели Одишским владетелем был пожалован патриаршей кафедре – Бичвинтской (Пицундской) Богоматери.

Леван II Дадиани (1611–1657) в 30-х годах XVIIв. организовал военную экспедицию вглубь Абхазии, во время которой он достиг реки Капоетисцкали (р. Бзиби), где разбил отряды джико-абхазов под командованием некоего Маршания и на время установил полный контроль над домом Шарвашидзе. Однако позже абхазы возобновили опустошительные походы в сторону владений Одишского княжества, что вынудило Левана II Дадиани соорудить фортификационные укрепления вдоль реки Келасури – т.н. „Келасурскую стену“. Данная стена „длиною в шестьдесят тысяч шагов“, по свидетельству Арканджело Ламберти, жившего долгое время (в сер. XVIIв.) в Мегрелии, была воздвигнута „для приостановления абхазских набегов“.

Во второй пол. XVIIв. абхазам все же удалось прорваться через Келасурскую преграду и перенести границу с Одиши к берегам р. Кодори, а затем уже овладеть территорией между реками Кодори и Ингури. Так, к началу XVIIIв. территория Абхазии обрела ее нынешнее очертание. Абхазское княжество с самого начала не было строго централизованным государственным образованием. Уже в начале XVIIIв. Абхазия распалась на три фактически самостоятельные владения: Северную часть – территорию между реками Бзиби и Кодори получил старший сын Зегнака Шарвашидзе – Ростом; район между реками Кодори и Галидзга, или Абжуа (по-абхазски средняя страна) перешел к Среднему сыну – Джикешии; а территорию между реками Галидзга и Ингури унаследовал младший сын – Квапу, после смерти которого этим регионом управлял его сын – Мурзакан. От него и пошло название этого края – Самурзакано.

Абхазия, несмотря на произошедший резкий возврат к первобытности, вызвавшего спад общего культурного уровня,

и в это время оставалась в ареале грузинской письменной культуры и книжности. Языком государственного делопроизводства и в этот период был исключительно грузинский. Об этом свидетельствуют грамоты, клятвенные книги и другие документы, исходившие из канцелярии владетельных князей Абхазии. Даже во II пол. XVIIIв., когда Османская империя усилила свое давление на Абхазию и заставила представителей Абхазского владетельского дома Шарвашидзе принять ислам, Абхазия не была полностью вытеснена из общегрузинского культурно-языкового пространства. Не случайно, что большинство представителей дома Шарвашидзе (среди них даже те, которые были вынуждены принять ислам), носили общепринятые в грузинской среде традиционные имена (Ростом, Манучар, Зураб и др.).

Все это однозначно свидетельствует о том, что **экспансия джиков-абхазов в юго-восточном направлении, организуемая абхазским домом Шарвашидзе, и их закрепление на территориях, принадлежавших ранее владетелям Одиши-Мегрелии, несмотря на определенные особенности, в целом не выходили из рамок феодальной междоусобицы. Представители рода Шарвашидзе, расширяя пределы своих владений за счет территорий соседнего Одишского княжества, отнюдь не стремились к созданию некоего апсуа-абхазского национально-государственного образования, не имеющего ничего общего с грузинской государственной и политической системой, а всемерно пытались, так же как и мегрельские Дадзиани и гурийские Гуриели, выдвинуться на ведущие позиции именно внутри-грузинского государственно-политического пространства.** Т.е. Абхазский владетельский дом Шарвашидзе не представлял себя вне грузинского государственного и культурно-политического мира и, при первом же удобном случае, не упускал шанс сесть как на Одишский владетельский, так и на Имеретинский царский престол. Первым это попытался сделать Сорех Шарвашидзе, который в начале 80-х годов XVIIIв. провозгласил себя (правда, безуспешно) владетелем Одиши. На левом берегу р. Ингури закрепился и Квапу Шарвашидзе, который занял Рухи, где скончался в 1704г.

С 30-х годов XVIIIв. усиливается давление турков-османов на Абхазию. Фактически, именно в это время происходит окончательное покорение Абхазии и Джикети. С владетельского престола был свергнут Манучар Шарвашидзе, который вместе с младшими братьями Зурабом и Ширвани был увезен в Турцию. Вернуть свои права на Абхазию дому Шарвашидзе удалось лишь путем принятия ислама, хотя Манучару было запрещено вернуться в Абхазию, и он довольствовался должностью Батумского бея. Ширвани стал Потийским пашой. В Абхазию возвратился лишь Зураб, назначенный Сухумским беем, которого абхазы приняли с большим почетом, он был крещен в Илорском храме и объявлен владетельным князем. Наследником престола Зураб Шарвашидзе объявил своего племянника, сына Манучара – Келаиш-Ахмед-бея, находившегося с малых лет заложником в Стамбуле. В Абхазию вернулся и другой племянник Зураба Шарвашидзе, сын Ширвани – Бекир-бей, которому новый владетель пожаловал Абжуйскую Абхазию.

Несмотря на всю нестабильность политической ситуации в целом и усиления турецкого давления, Абхазия и в это время не была оторвана от остальной Грузии и по-прежнему рассматривалась как составное звено западно-грузинской политической системы. Лидеры Абхазии, и не только самурзаканские князья, которые считались вассалами одишского владетельного дома Дадиани, но и владетельные князья Абхазии активно участвовали в политических процессах Западной Грузии и всемерно пытались использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. В этом плане особенно большого успеха добился Келаиш-бей Шарвашидзе, который на рубеже XVIII–XIX вв. предпринял энергичные шаги для заполучения владения Дадиани – „Самурзаканской Абхазии“.

Глава V

Установление российского господства над Абхазским княжеством

К началу XIX в. произошли существенные изменения в геополитической обстановке Кавказа. Со II пол. XVIIIв. Российская империя активно стала наращивать свое влияние в южном направлении и приступила к вытеснению Турции из Северного и Восточного Причерноморья. Грузинские политические образования и, прежде всего, Картли-Кахетинское и Имеретинское царства, видевшие в единой России покровительницу христианско-православного мира, открыто поддерживали и всемерно поощряли военно-политическую активность Российской империи против Турции. Представители рода Шарвашидзе, особенно его самурзаканской ветви, шли в ногу общей анти-османской конъюнктуры грузинских лидеров. Ярким подтверждением этого было участие самурзаканского князя Левана Шарвашидзе (в составе Одишского войска) в осаде Потийской крепости в 1771г., организуемой русским экспедиционным корпусом под командованием ген. А. Сухотина во время русско-турецкой войны (1768-1774гг.). К этой антиосманской компании подключился и владетель Абхазии Зураб Шарвашидзе, который при поддержке самурзаканского князя Левана Шарвашидзе восстал против турок и очистил Сухумскую крепость от них. Правда, впоследствии возникли разногласия между Зурабом и Леваном Шарвашидзе, и этот последний продал Сухумскую крепость туркам.

В 1801г. Российская империя упразднила Картли-Кахетинское царство и установило непосредственное российское правление в Восточной Грузии, после чего приступила к присоединению и Западной Грузии. 2 декабря 1803г. в селе Чаладиди Григол Дадиани подписал договор с Россией и признал верховный сюзеренитет российского императора. 9 июля 1805г. в селе Бандза состоялся церемониал вступления на владетельский престол Одиши-Мегрелии Левана V Дадиани. В церемо-

ниале, наряду с представителями одишской аристократии, приняли участие Леван и Манучар Шарвашидзе, которые, официально подтвердив принадлежность Самурзакано „самодержавному таваду Мегрелии Дадиани“, также присягнули на верность российскому императору. Это означало вхождение Самурзакано как неразрывной части Мегрельского княжества в состав Российской империи.

Политический акт, совершенный в Бандзе, и особенно официальное признание российской стороной Самурзакано как владение дома Дадиани, был прямым ударом по Келайш-бею Шарвашидзе, однако, владетель Абхазии, трезво оценив сложившуюся ситуацию, счел нужным не обострять отношения с Одиши-Мегрелией и 26 мая 1806г. направил дружественное послание Нино Багратиони-Дадиани – матери нового владетеля Одиши – Левана V Дадиани, управлявшей тогда княжеством.

После начала новой русско-турецкой войны (1806-1812) российская дипломатия обратила взоры на Абхазию, владетель которой Келайш-бей Шарвашидзе все больше стал проявлять непокорность к Порте. По инициативе владетельного князя был созван всенародный сход абхазов, который одобрил решение Келайш-бея Шарвашидзе принять российское покровительство. В ответ турецкие власти организовали заговор против Келайш-бея, и 2 мая 1808г. он был убит собственным сыном Асланбеем, который занял Сухумскую крепость и объявил себя новым владетелем Абхазии. Однако, против отцеубийцы выступил его брат Сафар-бей (Гиорги) Шарвашидзе, который обратился к владетельнице Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани с просьбой походатайствовать перед императором об установлении российского покровительства над Абхазским княжеством. После соответствующей дипломатической процедуры, в которой главное место отводилось обращению Сафар-бея (Гиорги) Шарвашидзе Российскому императору с официальной просьбой, составленной на грузинском языке, в Санкт-Петербурге было принято решение о присоединении Абхазии к России. Следует особо отметить, что, **принимая Абхазию в лоно Российской империи, не только грузинские и абхазские лидеры (особенно Нино Багратиони-Дадиани и владетель Самурзакано Манучар Шарвашидзе), но и**

сами высокопоставленные деятели российской администрации на Кавказе (П. Цицианов, И. Гудович) однозначно рассматривали ее как частицу общегрузинского политико-государственного организма и, прежде всего, именно этим обосновывали необходимость включения Абхазии, наряду с другими грузинскими единицами в состав Российской империи. Да и сам Сафар-бей (Гиорги) Шарвашидзе, направляя грузинский оригинал своих „просительных пунктов“ российскому императору, открыто продемонстрировал свою принадлежность к общегрузинскому культурно-политическому пространству. Т.е. с оформлением своего официального документа на грузинском языке Абхазский владетель совершенно однозначно дал понять российской стороне, да и всему мировому сообществу, что в международных отношениях Абхазское княжество представляет именно грузинский национально-государственный и культурно-политический мир.

8 июля 1810г. в окрестностях Сухуми был высажен прибывший из Севастополя русский десантный отряд, который вместе с регулярными частями ген. Дмитрия Орбелиани 10-20 июня освободил крепость. А в октябре 1810г. в Сухуми тот же ген. Д. Орбелиани, от имени российского императора торжественно вручив Гиоргию Шарвашидзе „высочайшую грамоту и знаков владельческих“, официально провозгласил его владетельным князем Абхазии.

Итак, с 1810г., с установления Российского протектората над Абхазским домом, Абхазия, наряду с другими грузинскими политическими образованиями – Картли-Кахетинское царство, Имеретинское царство, Мегрельское княжество – официально вновь оказалось в едином со всей Грузией в государственном пространстве.

Глава VI

Абхазское княжество в 1810-1864гг.

Установление покровительства Российской империи над Абхазским княжеством, которое фактически было достигнуто путем военной агрессии и оккупации края (во всяком случае, так это было воспринято значительной частью абхазов), вызвало серьезные политические осложнения. Асланбей Шарвашидзе, потерпевший поражение в борьбе за владетельский престол, упорно стремился к реваншу. В своей борьбе за власть, он всецело опирался на протурецки настроенных феодалов и, поддерживавших их, достаточно широких слоев абхазского населения.

В 10-20-х годах XIX в. шло почти перманентное противоборство между сторонниками курса Гиоргия Шарвашидзе и поддерживавшими Аслан-бея Шарвашидзе протурецки настроенными кругами. Гиоргию Шарвашидзе удалось сохранить власть исключительно благодаря российским штыкам, а также решительной поддержке Мегрельского владетельского дома Дадиани. В 1821 г., после кончины Гиоргия Шарвашидзе разразился политический кризис, который перерос в открытый антирусский мятеж. Однако, экспедиционный корпус ген. М. Горчакова самым жестоким образом расправился с мятежными абхазами. Были сожжены и опустошены Сухуми и его окрестности, не пощадили даже дворец владетельных князей. На владетельский престол вступил сын Гиоргия Шарвашидзе, воспитанник владетельницы Мегрелии Нино Багратиони-Дадиани – Дмитрий (Омар-бей) Шарвашидзе. Но его правление оказалось кратковременным. Он был отравлен на первом же году своего княжения в октябре 1822 г., после чего новым владетельным князем был провозглашен младший брат Дмитрия – одиннадцатилетний Михаил (Хамут-бей) Шарвашидзе.

Возведение на владетельский престол Михаила Шарвашидзе не положило конец политическому кризису. В 1824 г. в Абхазии вспыхнуло новое мощное антирусское восстание. На

помощь восставшим абхазам, которые добивались возвращения Аслан-бея пришли родственные горские племена садзов и убыхов. Для подавления восстания в Абхазию вновь был переброшен корпус ген. П. Горчакова (до 2-х тысяч солдат). Вместе с ним в Абхазию двинулось 1300 всадников мегрельского ополчения. Участие мегрельской дружины на стороне российских оккупационных сил было обусловлено стремлением владетельного дома Дадиани не допустить приход к власти в Сухуми ставленника Оттоманской Порты Аслан-бея Шарвашидзе и любым способом обеспечить пребывание на владетельском престоле представителя дома Гиоргия Шарвашидзе. Российским войскам, действовавшим в Абхазии по предписанию главнокомандующего на Кавказе ген. А.П. Ермолова „огнем и мечом“, хоть и с большим трудом, но все же удалось подавить восстание: Асланбей Шарвашидзе сбежал в Турцию. Однако и молодому владетелю Михаилу Шарвашидзе также пришлось на несколько лет покинуть пределы княжества.

Восстание 1824г. толкнуло российских властей на более решительные действия против мятежных абхазов и других горцев. Царская администрация успешно начала претворять в жизнь наказ императора Николая I, который прямо призывал к „усмирению навсегда горских народов или истреблению непокорных“. Для установления полного государственного контроля над непокорными горскими племенами был разработан целый пакет мероприятий на Кавказе, среди которых значительное место отводилось т. н. „Абхазской экспедиции“, что подразумевало овладевание побережьем Абхазии и установление прямого сухопутного сообщения между Сухуми и Анапой. Этот план был осуществлен в 1830-1831гг. лишь частично – в пределах Сухуми и Гагры. Но затем в 1837-1839гг. царская администрация завершила строительство укреплений между Гагрой и Анапой и этим самым создала единую систему Черноморской береговой линии, которая тянулась от устья реки Кубань до поста св. Николая (Шекветили), у устья реки Супса.

С создания Черноморской береговой линии покорение Абхазии Российской империей фактически было завершено. На этом пути важной вехой стала военная экспедиция в Це-

бельду в 1837г., которой непосредственно руководил главнокомандующий на Кавказе барон Г.В. Розен. Владетели Цебельды представители княжеского рода Маршания, фактически возглавлявшие в ту пору антирусский фронт в Абхазии, сложили оружие и были вынуждены „присягнуть на верность“ Российской империи. После установления контроля над Цебельдой российскими войсками, этот регион не был передан владетелю Абхазии Михаилу Шарвашидзе, и там было введено русское управление. Цебельда стала русской административной единицей – приставством. Но этим проблема окончательного усмирения Абхазии все же не была решена. В 1840г. началось очередное антирусское восстание, которое охватило почти все Абхазское побережье. Центром противостояния стало Дальское ущелье, где российским войскам организованное сопротивление оказывали Дальские князья Шабат и Эшсоу Маршания. Экспедиционный корпус полковника Н. Муравьева при поддержке владетеля Абхазии Михаила Шарвашидзе жестоко расправился с мятежниками.

В 1840г., по решению российских властей, Самурзакано, которое на протяжении почти одного столетия являлось камнем преткновения между Абхазским и Мегрельским владетельскими домами, и в 1805г. официально признанное Россией за Мегрелией, было отобрано у владетельского дома Даддани за определенное денежное вознаграждение. Там была образована отдельная административная единица – приставство, которое позже непосредственно вошло в пределы Кутаисской губернии. Такое решение Самурзаканского вопроса разочаровало владетеля Абхазии Михаила Шарвашидзе, который годом раньше – в 1839г. официально обратился с просьбой властям Российской империи подтвердить его владетельские права на Самурзакано. С этого времени владетель все меньше стал доверять российским властям. Более того, в 1847г. раздосадованный Михаил Шарвашидзе подал прошение об оставлении им владетельского престола. Он просил Российских властей, чтобы ему разрешили поселиться в Имерети с предоставлением 1500 дворов крестьян освобожденных от правительственных податей и налогов. Однако, учитывая сложившуюся в то время военно-политическую ситуацию на Северном Кавка-

зе, которая явно не складывалась в пользу империи, власти сочли преждевременным лишение Михаила Шарвашидзе владетельских прав и упразднение Абхазского княжества.

Ситуация в корне изменилась после завершения русско-турецкой войны 1853-1856гг. Имперская администрация на Кавказе, крайне возмущенная „двуличным поведением“ Михаила Шарвашидзе в 1854-1855гг., когда он, генерал-лейтенант российской армии и одновременно генерал-адъютант Его Императорского Величества, фактически отстранился от борьбы против турков и даже в какой-то степени сотрудничал с турецким оккупационным режимом в Абхазии, однозначно поставила вопрос о смещении Михаила Шарвашидзе с владетельского престола и ликвидации Абхазского княжества. Однако, Михаила Шарвашидзе спасла одна из статей заключенного в Париже мирного трактата „о даровании прощения виновным в каком-либо в продолжении военных действий соучастию с неприятелем“. Российское правительство, потерпевшее сокрушительное поражение в войне 1853–1856гг., не могло допустить дальнейшую изоляцию России на международной арене, что, безусловно, могло последовать в случае нарушения условий мирного договора. Исходя из этого, в Санкт-Петербурге решили смягчить позицию по отношению к владельцу Абхазии и на этот раз не привлекать его к ответственности „во избежание могучих возникнуть впоследствии со стороны иностранных держав притязаний“. Было предложено: „действия правосудия“ над Михаилом Шарвашидзе отложить „до другого, более благоприятного времени“.

Осторожность высшего российского руководства была обусловлена и другими обстоятельствами, и, в первую очередь, тем, что в продолжавшейся Кавказской войне все еще не было решающего перелома, а в этой ситуации было бы опрометчивым взрывать обстановку в Абхазии. Помимо этого, учитывался и большой авторитет владетеля Абхазии – „воспитанника убыхов“ среди горцев Западного Кавказа.

В мае 1864г. в урочище Кбаада (совр. Красная Поляна) российские регулярные войска, истребив непокорные западно-абхазские племена и горные общества: Псху и Аибга, „победным парадом своих войск на Красной поляне“ торжественно

объявили об окончании Кавказской войны. После покорения Кавказа уже наступили „более благоприятные времена“, и российские власти приступили к процедуре упразднения Абхазского княжества. В марте 1864г. наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, подготовил записку „О положении в Абхазии“, в которой изложил мотивы и план ликвидации княжеской власти в Абхазии. В нем главной причиной упразднения княжества называлось осуществление „высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзиби“. Наместник Кавказа предлагал „Из Абхазии образовать военный округ, который с Цебельдой подчинить особому начальнику на правах начальников отделов в областях, с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору“. Тогда же был разработан план выселения абхазов в Турцию и начала „русского народонаселения“ Абхазии.

Владелец Абхазии Михаил Шарвашидзе, предчувствовал приближение конца своего правления, еще в октябре 1863г. предпринял попытку продления княжеской власти путем передачи владетельского престола своему наследнику Гиоргию Шарвашидзе. Он направил соответствующее прошение начальнику главного штаба об освобождении князя Гиоргия, являвшегося тогда адъютантом наместника Кавказа, от службы. Свою просьбу Михаил Шарвашидзе мотивировал тем, что из-за болезни, он якобы был не в состоянии управлять княжеством и желал передать владетельский престол своему сыну и наследнику. Однако эту инициативу российские власти использовали как повод для его отстранения от власти. Разгневанный коварством царской администрации Михаил Шарвашидзе в знак протеста вообще отказался от своих почестей и снял с себя полномочия генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Этим самым он, фактически, вывел себя из-под юрисдикции России. Но этот дипломатический ход владетеля не удался. Имперские власти на этот раз были настроены решительно, и 24 июня 1864г. последовало официальное уведомление наместника Кавказа, в котором Михаилу Шарвашидзе напоминали все его прежние просьбы об освобождении от власти владетеля Абхазии и сообщалось о решении императора России об увольне-

нии Михаила и его потомков „от управления навсегда Абхазией“ и введении там русского правления.

Владелец Абхазии решение российских властей встретил внешне спокойно. Единственное, о чем он просил, было, чтобы ему разрешили жить в Абхазии, а если это не будет дозволено, то тогда просил пожаловать ему имение в Имерети и разрешить жить зимой в Кутаиси, а летом – в Раче. В случае же отказа и на это, он просил разрешения на выезд в Иерусалим, где, по его словам, он „будет дожидаться смерти „у гроба господни“. В этот критический момент Михаил Шарвашидзе обратился с просьбой и к турецкому правительству, чтобы ему направили корабль, на котором он мог бы выехать в Константинополь. Но об этом стало известно властям. 5 ноября 1864г. Михаил Шарвашидзе был арестован и отправлен на военном корабле в Новороссийск. Оттуда смещенного владельца перевели в Ставрополь, а позже, 25 июня 1865г., в Воронеж, где он и скончался 16 апреля 1866г. Тело покойного владельца было доставлено в Абхазию, где его с большими почестями похоронили в Моквском храме.

Так закончилась история Абхазского владетельного княжества, своего рода последнего островка грузинской государственности. **То, что Абхазское княжество и в последние десятилетия своего существования представляло общегрузинский политико-государственный и социально-культурный мир, не вызывает никакого сомнения. Наиболее наглядно об этом свидетельствует тот факт, что государственным языком в Абхазии оставался грузинский язык. Именно на грузинском языке вела официальное делопроизводство канцелярия владетеля Абхазии.** Не менее ярким проявлением живучести связей с общегрузинским социально-культурным миром может служить и тот факт, что многие представители высшей абхазской аристократии носили грузинские имена. Более того, грузинские имена встречаются даже среди садзов-убыхов. Так, например, важными политическими фигурами в первой пол. XIXв. были **Леван Цанубаиа** (грузинско-мегрельская форма фамилии „Цанба“) и убыхский князь **Зураб** Хамиш. Обращает внимание и то, что нередко даже в русских документах абхазские дворяне названы не „аамста“

(абхазское название дворянского сословия) а „азнаурами“, т.е. по-грузински. И, наконец, **самым важным доказательством того, что Абхазский владетельский дом считал себя неразрывной частью общегрузинского христианского мира, является тот факт, что последнего владельца, а затем и его сына Гиоргия Шарвашидзе похоронили в Моквском храме и эпитафию на их могилах сделали на древнегрузинском письме Асомтаврули.**

Глава VII

Абхазия – „Сухумский отдел“ (округ) в 1864-1917гг.

После упразднения княжеской власти территория современной Абхазии была преобразована в Сухумский военный отдел „с подразделением на 3 округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и 2 приставства (Цебельдинское и Самурзаканское)“ с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору. Русская администрация сразу же приступила к наведению „государственного порядка“ в Абхазии, что в первую очередь подразумевало последовательное осуществление колонизаторской политики, главной целью которой было обрусение присоединенных на Кавказе областей, в том числе и Абхазии. Абхазское население с возмущением встретило проводимые правительством меры по наведению нового государственного порядка в крае. В 1866г. вспыхнуло мощное антирусское восстание.

Несмотря на то, что непосредственным поводом восстания послужило нежелание абхазских крестьян провести крестьянскую реформу, оно сразу же вышло далеко за рамки обычного социального бунта и переросло в широкомасштабное всенародное выступление антиколониального, национально-освободительного характера. Восставшие провозгласили новым владельцем Гиоргия Шарвашидзе и потребовали от него, чтобы тот возглавил борьбу своих соотечественников.

Правительство приняло срочные меры и направило значительные военные силы в Сухуми во главе лично с Кутаисским генерал-губернатором ген. Д. Святополком-Мирским, которому удалось подавить восстание. Руководители и зачинщики восстания были сурово наказаны. Имел место даже публичный расстрел активных участников восстания в Сухуми. Многие были сосланы в Сибирь и другие регионы России. Выслали и Гиоргия Шарвашидзе, которого направили для прохождения службы в Оренбургский военный округ. Однако репрессии по отношению к восставшим этим не ограничились. Им-

перские власти всемерно стали поощрять махаджирство абхазов в Турцию. По подсчетам исследователей (Г. А. Дзидзария, С. З. Лакоба и др.), в это время Абхазию покинуло около 20 тысяч человек.

Но успокоить Абхазию империя так и не смогла. Воспользовавшись эскалацией антироссийских настроений среди абхазского населения, турецкому правительству весной 1877г., после начала очередной войны с Россией, удалось организовать „второй фронт“ в Абхазии. Восстание в 1877г. было самым крупномасштабным выступлением абхазов против России, поэтому оно повлекло за собой более жестокие, чем в 1866г., политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено „виновным“. Самым радикальным средством избавления от этого „виновного населения“ и „для устранения всякой... опасности со стороны Сухумского отдела“ властями было признано „переселение в Турцию жителей Абхазии“. Безднаказанными не остались даже те абхазы, которые решили не покидать родной край. Им было запрещено селиться в приморской зоне.

Российская империя, очистившая значительную территорию современной Абхазии от непокорного населения, действительно приступила к реализации широкой программы колонизации и внесения „в край русской гражданственности“, а „лучшим способом“ для успешного осуществления этой важнейшей государственной задачи была признана колонизация Абхазии исключительно „русским населением“. Вместе с тем, колониальные власти всемерно стремились „сблизить коренное население Абхазии и Самурзакано с русским и водворить среди него начало русской гражданственности“. Одновременно, предпринимались меры для ограждения абхазов „самым надежным образом... от грузинского влияния“ и для обеспечения в будущем слияния населения с русским“. Именно эту цель преследовали мероприятия правительства по вытеснению грузинской грамотности и книжности в 60-90-х годах XIXв. Для того, чтобы вырвать Абхазию из общегрузинского культурно-исторического организма, клерикально-черносотенные круги даже ставили вопрос о выводе Сухумской епар-

хии из-под юрисдикции Грузинского экзархата и ее присоединении к Кубани. Более того, в начале XXв. имперскими властями предпринимались шаги для отделения Абхазии от остальной Грузии и в административном отношении. В 1903г. Сухумский округ „был выведен из непосредственного подчинения Кутаисскому губернатору и напрямую подчинен Кавказскому начальству в Тифлисе“. В 1904г. же, по ходатайству принца Ольденбургского, правительство приняло решение о присоединении Гагры с окрестностями к Черноморской губернии. А в 1914г., накануне первой мировой войны, наместник Кавказа поставил вопрос о преобразовании Сухумского округа в самостоятельную губернию. Однако, в Абхазии, среди абхазов были силы, в основном представители дворянской элиты, которые не поддались антигрузинской пропаганде и заявили решительный протест по поводу попыток разрыва грузино-абхазского историко-культурного единства. Это было наглядно продемонстрировано во время приезда „абхазской делегации“ в Тифлис и ее встречи с наместником Кавказа, великим князем Николаем Николаевичем 26 апреля 1916г.

И все же постоянное политико-идеологическое давление на абхазское население, прикрытое фарисейскими заботами о поднятии культурно-национального самосознания „туземцев“, дало свои плоды. „Пробуждение абхазов“ происходило в условиях ярко выраженной антигрузинской конъюнктуры. В результате на арену вышли т.н. „новые абхазы“, которые и взяли в свои руки политическую инициативу в крае после Февральской революции в России. В Абхазии был создан местный орган Временного правительства – Комитет общественной безопасности, во главе которого оказался князь А. Г. Шервашидзе.

Глава VIII

Абхазия в 1917-1921гг.

В октябре 1917г. абхазская делегация во главе с А. Шервашидзе посетила Владикавказ, где приняла участие в подписании т.н. „Союзного договора Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степи“. **Однако, субъектом т.н. „Юго-Восточного Союза“ становилась не Абхазия в целом, а лишь „горский народ Сухумского округа (абхазцы)“.** 8 ноября 1917г. в Сухуми, националистически настроенные силы ведомые А. Шервашидзе и Т. Маршания, С. Басария, М. Цагурия, М. Тарнава и др. за спиной коренного грузинского населения, представителей других национальностей, проживающих в Абхазии, созвали съезд абхазского народа, на котором образовали „Абхазский народный Совет“ и приняли официальные документы: „Декларацию съезда Абхазского народа“ и „Конституцию Абхазского Народного Совета“. Съезд официально подтвердил вхождение абхазского народа (не Абхазии), „в состав Союза объединенных горцев“. Вместе с тем, съезд фактически потребовал от местных органов (Окружного комитета, комиссаров и т.д.), чтобы их деятельность протекала „в контакте с Абхазским Народным Советом“. Этим самым Абхазский Народный Совет, представляющий интересы лишь одного народа, игнорируя волеизъявление коренного грузинского населения, а также других жителей региона, фактически узурпировал верховную власть в Абхазии. Съезд полностью отмежевался от остальной Грузии и будущее абхазского народа связал с „Союзом объединенных горцев“.

Чуть раньше, весной 1917г. представители новой абхазской „народной“ интеллигенции предприняли попытку отрыва Абхазии от остальной Грузии и в церковном отношении. 24-27 мая в Сухуми был созван съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения, на котором стоял вопрос об автокефалии абхазской церкви, но эта затея прова-

лилась.

Решения I съезда абхазского народа взбудоражили Абхазию, особенно Самурзакано, которое однозначно высказалось за воссоединение Абхазии с остальной Грузией, при этом территория Сухумского округа (т.е. Абхазия – Самурзакано) должна была остаться „без изменения и ей следовало бы... дать национально-культурную автономию в своих границах“. Возникла реальная угроза раскола внутри Абхазии. Ситуация особенно обострилась после того, как большевистский режим, разогнав учредительное собрание в январе 1918г., вызвал глубокий политический кризис по всей территории бывшей Российской империи, переросший, впоследствии, в гражданскую войну. Накалилась обстановка и на Северном Кавказе, что со своей стороны, повлияло на ситуацию в Абхазии. Абхазский Народный Совет, лишившись поддержки со стороны Юго-Восточного Союза и Союза объединенных горцев Кавказа, был вынужден найти общий язык с Тбилиси.

9 февраля 1918г. в Тбилиси состоялась встреча между делегатами Абхазского Народного Совета (А. Шарвашидзе, М. Эмухвари, И. Маргания, полковник Н. Чкотуа, М. Цагурия) и представителями Национального Совета Грузии (А. Чхенкели, К. Месхи, Г. Гвазава, П. Сакварелидзе, Н. Карцивадзе). Абхазская делегация согласилась с предложением „о необходимости вхождения Абхазии в состав Грузии на правах автономии“. Со своей стороны Тбилиси выражал готовность „содействовать восстановлению исторических границ Абхазии от р. Мзымта до р. Ингури“. Вместе с тем, обязательным условием реализации этой цели, грузинская сторона поставила „выход Абхазии из состава „Союза объединенных горцев Кавказа“.

Соглашение 9 февраля 1918г. не было неким „междо-сударственным“ документом, т.к. в то время Грузия (не говоря уж об Абхазии) еще не приобрела статус суверенного государства (да и договаривающиеся стороны: „Национальный Совет Грузии“ и „Абхазский Народный Совет“ не были органами государственной власти). Несмотря на это, данное соглашение все же, имело большое историческое значение, т.к. оно действительно сняло напряжение и направило в конструктивное русло отношение между Тбилиси и Сухуми.

Урегулирование отношений между Тбилиси и Сухуми насторожило большевистское руководство Советской России, и оно сразу же инспирировало вооруженный путч в Абхазии. В результате Сухуми 16-21 февраля 1918г. оказался под контролем т.н. „Военно-Революционного Комитета“ во главе с известным абхазским большевиком Ефремом Эшба. Однако эта авантюра тогда провалилась. 4-9 марта 1918г. в Сухуми состоялся II крестьянский съезд Сухумского округа, который выразил единодушное желание „народа Абхазии и сознательной части его интеллигенции... войти в общую семью закавказских наций... и выковать свою судьбу и наилучшее будущее совместно с демократической Грузией“. Москва вновь ответила новой провокацией. На этот раз большевикам удалось взять власть в Сухуми дольше (с 8 апреля до 17 мая). В этой ситуации Абхазский Народный Совет был вынужден обратиться за помощью к правительству Закавказской Федеративной Республики, которая направила в Абхазию части Красной Гвардии. Общими усилиями Абхазского Народного Совета и Закавказской Красной Гвардии большевистская угроза была ликвидирована.

После распада Закавказской Федеративной Республики 26 мая 1918г. и образования Грузинской Демократической Республики, Абхазский Народный Совет, избранный в свое время исключительно представителями одного абхазского населения, не имея на это полномочия со стороны коренного грузинского населения, а также других жителей региона, постановил... принять на себя всю полноту власти в пределах Абхазии“. Это фактически означало декларирование независимости Абхазии от остальной Грузии. Но вместе с тем, чувствуя всю шаткость своего положения АНС, был вынужден обратиться к Грузинскому национальному совету (сосредоточившему в это время в своих руках фактическую власть в стране) „с дружественным представлением об оказании помощи в деле организации государственной власти в Абхазии, оставлением в распоряжении Совета (АНС – **З.П.**) отряда Грузинской Красной Гвардии“. По этому же постановлению АНС поручил ведение переговоров с грузинским политическим руководством Р. Какубава, В. Г. Гурджуа, Г. Д. Аджамову и Г. Д. Туманову.

Переговоры в Тбилиси завершились успешно, и 11 июня официально был подписан „Договор между правительством Грузинской Демократической Республики и Абхазским Народным Советом“. Согласно этому договору, при правительстве Грузинской Демократической Республики, „по представлению Абхазского Народного Совета“, назначался министр по делам Абхазии; АНС поручалось „внутреннее управление и самоуправление в Абхазии“; кредиты и деньги на управление Абхазией выделялись „из средств Грузинской Демократической Республики“..; и главное, „для скорейшего установления революционного порядка и организации твердой власти, в помощь АНС и в его распоряжение правительство Грузинской Демократической Республики“ обязывалось послать в Абхазию „отряд Красной Гвардии“. Дипломатическая инициатива лидеров АНС и их желание согласиться на автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики, даже по признанию наиболее сепаратистки настроенных абхазских деятелей (в частности М. Тарнава), был продиктован „фактическим положением“ в регионе, а именно угрозой турецкой агрессии, с одной стороны, и боязнью установления большевистского режима с другой.

Таким образом, **договором 11 июня „абхазский народ**, – как это констатировал сам министр по делам Абхазии Р. Чхотуа, – **связал свою судьбу с Грузинским народом на автономных началах**“. Подобное решение „абхазского вопроса“ не устраивало большевиков, которые по-прежнему угрожали грузинско-абхазскому единству. Это вынудило правительство Грузинской Демократической Республики и Абхазский Народный Совет принять дополнительные меры для обеспечения безопасности абхазского участка с северо-западных рубежей Грузинской Демократической Республики. 24 июня 1918г. АНС вынес специальное постановление „о необходимости занятия Сочинского и Туапсинского округов“ войсками ген. Г. Мазнишвили. Наступление грузинских войск в направлении Сочи-Туапсе было победоносным, 6 июля 1918г. под их контроль был взят Сочи, а 26 июля и Туапсе, однако, изменение военно-политической обстановки на северном Кавказе вынудило ген. Г. Мазнишвили оставить сперва Туапсе, а затем и Сочи.

Летом 1918г. антигрузински настроенные силы продолжали нагнетать обстановку внутри Абхазии. В августе 1918г. был организован вооруженный путч, ударную силу которого составил высаженный в Кодорском участке „турецкий десант“, состоящий в основном из абхазов „махаджиров“. В критической ситуации некоторые депутаты АНС были замечены в антигосударственных действиях. Это вынудило демократическое крыло АНС во главе с председателем совета В. Шарвашидзе выступить инициативой реорганизации АНС. Неспokoйно было и в Самурзакано, где бесчинствовали большевики. Ситуация настолько обострилась, что председатель АНС В. Шарвашидзе был вынужден обратиться с официальной просьбой к военному министру Грузии „выслать дополнительный отряд в Самурзакано для водворения порядка“.

После подавления „турецко-махаджирского“ путча протурецко настроенные силы, ведомые князем А. Шарвашидзе, на этот раз за помощью обратились к командованию „Добровольческой Армии“, во главе которой стояли царские генералы: М. Алексеев, А. Деникин. Однако, сложившаяся тогда на Северном Кавказе военно-политическая ситуация не позволила им перейти к открытой экспансии и силой занять Абхазию. В этой ситуации они предприняли попытку государственного переворота в Сухуми, где был организован вооруженный путч, во главе которого оказался министр по делам Абхазии Р. Чкотуа и окружной комиссар И. Маргания. Но благодаря оперативным действиям председателя АНС В. Шарвашидзе правительственным войскам удалось освободить здание АНС от ворвавшихся туда вооруженных лиц и арестовать зачинщиков путча. 10 октября в Тбилиси было направлено просьба-представление, подписанное председателем АНС В. Шарвашидзе, а также членами Совета: Д. Эмухвари, Я. Гогелашвили, И. Пашалиди, П. Геловани и др., в котором предлагалось распустить АНС „временно, впредь до созыва подлинного народного представительства, созданного на началах всеобщего избирательского права“.

На основании этого представления и, учитывая то обстоятельство, „что вообще члены АНС не были избраны в порядке, обеспечивающим подлинное выражение истинных интере-

сов народных масс Сухумского округа, Правительство Грузинской Республики постановило: АНС в нынешнем составе объявить распущенным“ и „назначить новые выборы его на основании всеобщего избирательного права“. Была образована Центральная избирательная комиссия во главе с Варламом Шарвашидзе.

13 февраля 1919г. в Абхазии были проведены первые всеобщие демократические выборы в Народный Совет – высший орган государственной власти Абхазии. Победу на этих выборах одержала правящая социал-демократическая партия Грузии, которая получила подавляющее большинство (27 из 40) депутатских мест. Из 27 депутатов, прошедших в Народный Совет Абхазии (НСА) по партийному списку социал-демократической партии Грузии – 11 были абхазами, примерно столько же грузин, а остальные – 5 представителей других национальностей. **Всего же из 40 депутатов абхазов было 18, грузин – 16, а 6 – представителей иных национальностей.** Следует отметить, что в парламент Абхазии были избраны и лица, обвиненные в организации антигосударственного путча 9 октября: Р. Чкотуа, И. Маргания, Д. Алания и др. А также ставленник Алексева-Деникина – А. А. Демьянов.

Параллельно с выборами в Народный Совет Абхазии были проведены и выборы в Учредительное Собрание Грузии. В парламент Грузии из Абхазии (по списку социал-демократической партии Грузии) прошли В. Шарвашидзе, Д. Эмухвари, В. Гурджуа, Д. Захаров, И. Пашалиди. Т.е. **из 5 депутатов, избранных в Верховный орган государственной власти Грузинской Демократической республики, из Абхазии – 3 были абхазы, 1 – русский, 1 – грек и ни одного грузина.** 20 марта 1919г. новоизбранный НСА принял „Акт об автономии Абхазии“. Следует отметить, что за I пункт „Акта“, который гласил: „**Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузии, как ее автономная единица**“, проголосовало 27 из 34 присутствовавших на заседании депутатов, трое воздержались, а четверо не приняли участия в голосовании. Что же касается II пункта „Акта об автономии Абхазии“, согласно которому „для составления Конституции Автономной Абхазии и определения взаимоотношений между Централь-

ной и Автономной властью“ было предусмотрено избрание смешанной комиссии „в равном числе членов от Учредительного собрания Грузии и Народного Совета Абхазии“, то он был принят единогласно.

В Сухуми были подготовлены три проекта конституции автономной Абхазии:

1. Проект социал-демократической фракции Народного Совета Абхазии; 2. Проект комиссариата (правительства) Абхазии; 3. Проект группы депутатов (наиболее сепаратистский настроенных) НСА. **Во всех трех проектах однозначно был зафиксирован автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики.** В ведении центральных законодательных и исполнительных органов Грузии должны были находиться: внешняя политика, вооруженные силы, финансы, налоговая система, денежная система, таможенная система, общие судебные установления, почта, телеграф, железные и шоссейные дороги.

Важной вехой в процессе восстановления грузинско-абхазского культурно-идеологического единства стал чрезвычайный собор духовенства Сухумской епархии, созданный 7 октября 1919г. для „упорядочения церковных дел“, который принял решение о восстановлении „на территории автономной Абхазии“ самостоятельной епархии Грузинского Католикосата „с наименованием ее Сухумско-Абхазской“. Этим был сделан еще один решительный шаг на пути дальнейшей реинтеграции Абхазии в общегрузинское культурно-политическое пространство и создания единой государственности.

С весны 1920г. НСА возобновил активную работу над проектом Конституции Автономной Абхазии. Осенью был уже создан окончательный вариант проекта конституции, который после неоднократного рассмотрения (в сентябре-октябре 1920г.) был утвержден НСА (16 октября 1920г.) и представлен в Учредительное Собрание Грузии. Однако, парламент Грузии, в целом одоблив представленный абхазской стороной проект конституции, тем не менее, воздержался от форсированного (до принятия конституции страны) утверждения конституции Автономной Абхазии. Вместо этого, малая конституционная комиссия Учредительного Собрания Грузии, на осно-

вании предложенного НСА проекта конституции, приняла временно заменяющий ее документ – „Положение об управлении Автономной Абхазии“, которое в последствии вошло в утвержденную Учредительным Собранием 21 февраля 1921г. – Конституцию Грузии.

Первая статья данного „Положения“ гласила: „Абхазия от реки Мехадыр до реки Ингури, и от берегов Черного моря до Кавказского хребта – неотъемлемая часть Республики Грузия и в этих границах автономно управляет своими внутренними делами...“. Этим самым, процесс оформления государственно-правовых отношений между Сухуми и Тбилиси фактически был завершен, и Абхазия конституционно закрепила за собой автономный статус в пределах единого Грузинского государства, чего так упорно и последовательно добивалась вся абхазская политическая элита того периода.

Однако, насильственное свержение регулярными частями Красной Армии большевистской России, грубо нарушившей договор между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой от 7 мая 1920г., законной власти суверенной Грузии и установление Советской власти, свели на нет успехи, достигнутые в 1918-21гг. в урегулировании государственно-правовых отношениях между Грузинской Демократической Республикой и Автономной Абхазией.

19 февраля 1921г. части Красной Армии форсировали р. Псоу и начали продвигаться в сторону Гагры и Сухуми. Так началась оккупация Абхазии большевистской Россией, которая завершилась торжественным объявлением Советской власти 4 марта 1921г. Борьбу населения Абхазии против агрессоров возглавил законно избранный высший орган власти автономии – НСА, который 23 февраля 1921г. вынес специальное постановление, согласно которому все руководство обороной было возложено на председателя Комиссариата (правительства) Автономной Абхазии Д. Эмухвари, назначенного генерал-губернатором края. По его приказу была объявлена мобилизация всех граждан автономии до 35-летнего возраста. Но силы были слишком неравными и российским войскам удалось прорвать оборону и занять Сухуми, а затем и всю Абхазию.

Глава IX

ССР Абхазия в 1921-1931гг.

После установления Советской власти большевистские лидеры Абхазии Е. Эшба и Н. Лакоба, чья антигрузинская пропаганда всецело строилась на „претворение в жизнь“ пресловутого лозунга „О праве нации на самоопределение“, сразу же поставили перед вышестоящими партийными инстанциями вопрос об объявлении Абхазии независимой от Грузии Советской Социалистической Республикой. 31 марта 1921г. Ревком Абхазии, заручившись поддержкой (хотя с некоторой оговоркой) вышестоящих партийных структур и, прежде всего, Кавбюро ЦК РКП(б), официально объявил о создании Советской Социалистической Республики Абхазия и в тот же день торжественно доложил об этом В. И. Ленину, не забыв при этом о „великой освободительной роли“ доблестной Красной Армии. 21 мая 1921г. уже Ревком Грузии официально признал и приветствовал „образование независимой социалистической советской Республики Абхазии, правда, выразив при этом уверенность в том, „что вопрос о взаимоотношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решен на первом съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов как Абхазии, так и Грузии“. На самом же деле, кремлевское руководство, грузинские коммунисты, да и сами абхазские большевики совершенно однозначно понимали всю нереальность создания „независимого“ Абхазского государства. **По признанию самих грузинских и абхазских большевистских лидеров (Г. Орджоникидзе, Н. Лакоба) объявление „независимости“ Абхазии было лишь временным явлением, по выражению Н. Лакоба – „на одну минуту“.** То, что ССР Абхазия отнюдь не была „независимым государством“, даже до 16 декабря, когда она в качестве „договорной республики“ вошла в состав Грузинской ССР, однозначно видно из партийных и государственных документов того периода, в которых Абхазия, как правило, рассматривалась как автономная часть „независимой

Грузии“ (И. Сталин). В частности Абхазия не упоминалась в известном письме В. Ленина „К коммунистам Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской Республики“. Упоминание об Абхазии отсутствует и в проекте федерации закавказских республик, направленным В. Лениным 28 ноября 1921г. в политбюро ЦК РКП(б), в котором предлагалось „Центральным Комитетам Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставить вопрос о федерации“ трех социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Абхазия, как независимый субъект, не фигурировала в созданном в августе 1921г. экономическом союзе Кавказа, в состав которого входили Грузия, Армения, Азербайджан, а так же: Дагестан, Горская Республика, Кабарда, Нахичевань. Не было ее и в „экономическом бюро“ закавказских республик, образованного Кавбюро ЦК РКП(б) 16 августа 1921г. В заседаниях пленума Кавбюро ЦК РКП(б) представитель Абхазии наравне с другими автономиями, участвовал лишь совещательным голосом.

Большевистскими руководителями Абхазии хотя и предпринимались попытки добиваться непосредственного (минуя Грузии) вхождения Абхазии в Закавказскую Федерацию, но из этого ничего не вышло. 16 ноября 1921г. Президиум Кавбюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос о взаимоотношениях между Абхазией и Грузией в присутствии Е. Эшба, принял постановление, в котором прямо указывалось „считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии“, и предлагалось „тов. Эшба представить свое окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав Федерации Грузии на договорных началах или на началах автономной области в РСФСР“. 24 ноября 1921г. Кавбюро ЦК РКП(б) уже приняло решение, по которому Оргбюро РКП(б) в Абхазии было подчинено ЦК КП(б) Грузии, а Эшба был введен в состав ЦК КП(б) Грузии. Последняя же точка над этим вопросом была поставлена 16 декабря 1921г., когда в Тбилиси торжественно был подписан „Союзный договор между Социалистической Советской республикой Грузией и Социалистической Советской Республикой Абхазии“, согласно которому **Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве т.н. „договорной республики“**. По „Союзному договору“ объединен-

ными объявлялись комиссариаты: военные, финансовые, народного хозяйства, почты и телеграфа, юстиции, чрезвычайная комиссия, рабоче-крестьянская инспекция и т.д. Иностранные дела оставались „целиком в ведении Социалистической Республики Грузии“. По 4-му пункту „договора“, Абхазия должна была входить во все краевые объединения, в частности в Федерацию Закавказских Республик... через Грузию, которая должна была предоставить „ей одну третью часть своих мест“.

Вхождение ССР Абхазии в состав Грузии было подтверждено во всех официальных документах съездов Советов как Абхазии, так и Грузии, а также Конституции Грузинской ССР (1922), в которой прямо говорилось, что „в состав Социалистической Советской Республики Грузии входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджарии, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазии, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузии на основе особого союзного между этими республиками договора“. В „договоре об образовании СССР“ было разъяснено, что Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) – субъект СССР состоит из трех социалистических республик: Грузии, Армении и Азербайджана. Что же касается самой Абхазии, то она не только не была самостоятельным субъектом, образующим СССР (таковой не была даже Грузинская ССР), но вообще фигурировала среди автономных республик. Более того, согласно 15-ой статье IV главы „Союзного договора“, „автономные республики Аджария и Абхазия“ (так написано в документе) де-факто, вовсе были приравнены к автономным областям РСФСР, т.к. в отличие от входящих в состав РСФСР автономных республик, которые в Верховный законодательный орган Союза в Совет национальностей направляет по 5 представителей, Аджария и Абхазия могли иметь только по одному представителю, т.е. столько, сколько имели автономные области Юго-Осетия, Нагорный Карабах и Нахичеванская...“.

Абхазия в статусе автономной республики фигурировала и в Конституции СССР 1924г. В ней была подтверждена вышеприведенная статья из „Союзного договора“ и

также отмечалось, что „Автономные республики Аджарии и Абхазии, Юго-Осетинская, Нагорно-Карабахская и Нахичеванская автономные области посылают в Совет Национальности по одному представителю“. Об автономном статусе Абхазии в составе Грузинской ССР свидетельствует и тот факт, что бюджет Абхазии составлял часть бюджета Грузии, а правительство и партийные органы Абхазии были подотчетными законодательным и исполнительным органам Грузии, ЦК КП Грузии. В этой связи следует отметить и то, что Абхазская организация РКП(б) на первой же своей областной конференции (7-12 января 1922г.), приняла решение об ее переименовании в Абхазскую организацию Коммунистической партии (большевиков Грузии) и избрала делегатов на I съезд Коммунистической партии Грузии. Чуть позже 12-18 февраля 1922г. I съезд Советов Абхазии также избрал делегатов на I съезд Советов Грузии.

ССР Абхазия находилась в сфере действий законов и законодательных актов Грузинской ССР. Так, Президиум ЦИК и СНК Абхазии в феврале 1923г. приняли совместное постановление „О распространении на всей территории ССР Абхазии... Уголовного кодекса Грузинской ССР“, утвержденного Всегрузинским ЦИК в ноябре 1922г.

Таким образом, объявление ССР Абхазии в марте 1921г., а затем и ее т.н. „объединение“ с Грузинской ССР, были лишь формальными актами, а на самом деле, Абхазия, с самого начала, рассматривалась как автономная часть Грузии. Все это, конечно, не могло не волновать те силы абхазского общества, которые в свое время давали обещание сепаратистский настроенным слоям абхазского населения, что с установлением советской власти, Абхазия якобы обретет национально-государственную независимость. Эти силы и предприняли попытку некоей ревизии, сложившегося в 1921–25гг. государственно-правового положения Абхазии в составе Грузинской ССР. Под давлением этих сил был подготовлен проект первой конституции советской Абхазии, который был утвержден на III съезде Советов Абхазии (в марте 1925г.).

Конституция ССР Абхазии не выдерживала критики как в юридическом, так и в политическом плане. Главным юриди-

ческим ляпсусом было противоречие между ее отдельными статьями. Так 4-ая статья I главы гласила: „ССР Абхазия, объединившись на основе особого союзного договора с ССР Грузией, через нее входит в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику и в составе последней – в союз Советских Социалистических Республик“, но в 5-ой статье II главы „Конституции“ почему-то „забывалось“ о вхождении Абхазии в состав ЗСФСР и СССР через Грузинскую ССР и говорилось о том, что „суверенитет ССР Абхазии, ввиду добровольного ее вхождения в ЗСФСР и Союз ССР, – ограничен лишь в пределах и по предметам, указанным в конституциях этих „Союзов“. Далее, в той же статье указывалось, что „Граждане ССР Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются гражданами ЗСФСР и Союза ССР“. И, наконец: „ССР Абхазия сохраняет за собой право свободного выхода как из состава ЗСФСР, так и из Союза ССР“.

Таким образом, этими и некоторыми другими статьями „конституции“, абхазские законодатели фактически выводили Абхазию из государственного правового поля Грузинской ССР. Вышестоящие партийные организации как Грузии, так и Закавказья не могли не обратить внимание на „недостатки“ Конституции ССР Абхазии. После проведения соответствующей „воспитательной“ работы руководители Абхазии и, в первую очередь, лидер Абхазских большевиков Н. Лакоба „признали“, что „конституция написана глупейшим образом“. III сессия Всегрузинского ЦИК-а, проведенная, кстати, в Сухуми 13 июня 1926г., дала указание высшему законодательному органу ССР Абхазии переработать Конституцию и привести ее в соответствие с конституцией Грузинской ССР, что и было реализовано на III сессии ЦИК-а ССР Абхазии 27 октября 1926г. Окончательное же утверждение нового отредактированного варианта Конституции ССР Абхазии произошло на IV съезде Совета Абхазии в марте 1927г.

В новом варианте Конституции однозначно указывалось, что **„Республика Абхазия есть социалистическое государство** (а не „суверенное“, как это было зафиксировано в „Конституции“ 1925г.) **...входящее в силу особого договора в Социалистическую Советскую Республику Грузию“, что**

„граждане Социалистической Советской Республики Абхазии, сохраняя республиканское гражданство, являются тем самым гражданами Социалистической советской Республики Грузии“. По новой Конституции в отличие от предыдущей, в которой государственный статус был придан только русскому языку, государственными языками ССР Абхазии объявлялось сразу три языка: абхазский, грузинский и русский. Согласно 16-ой статье I главы окончательного варианта Конституции ССР Грузия была в числе тех субъектов (СССР, ЗСФСР, ССР Абхазии), которые в пределах своей компетенции... „определяемой их конституциями“ пользовались правом эксплуатации государственных богатств (земли, леса, воды, недра и т.д.) Абхазии.

Конституция устанавливала уровень и порядок участия населения Абхазии в управлении грузинским государством. Согласно 18-ой статье II главы, „во Всегрузинском Съезде Советов“ принимали „участие представители съезда Советов Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве депутатов по расчету: один депутат на каждые 10 000 населения“, а согласно 19-ой статье той же главы, „Всегрузинский Съезд Советов“, должен был избрать „в состав Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета представителей от Социалистической Советской Республики Абхазии в количестве членов определяемых Всегрузинским Съездом Советов“, т.е. в Верховном законодательном органе Грузинского (а не „Союзного“) государства, Абхазия не имела на паритетной основе своей установленной квоты, и определения уровня ее представительства было компетенцией исключительно Всегрузинского Съезда Советов.

По Конституции 1927г. Абхазия оставалась в общегрузинском государственно-правовом пространстве. „Кодексы, декреты, постановления, принятые Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом с распространением их действия на всю территорию Социалистической Советской Республики Грузии“ имели „обязательную силу и на территории Социалистической Советской республики Абхазии“, а „Всегрузинскому Съезду Советов и Всегрузинскому Центральному Исполнительному Комитету“ принадлежало „право отме-

ны постановлений Съезда Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Абхазии противоречащее положениям главы II настоящей Конституции“.

И, наконец, согласно 92-ой статье IV главы Конституции ССР Абхазии „Государственный бюджет социалистической Советской Республики Абхазии“ входил „составной частью в общегосударственный бюджет ССР Грузии“ и подлежал утверждению „Всегрузинским Центральным Исполнительным Комитетом в качестве составной части общегосударственного бюджета ССР Грузии“.

Таким образом, **вышеприведенные статьи из Конституции ССР Абхазии 1927г. снимают все подозрения на то, что ССР Абхазия была суверенной Советской Республикой, якобы установившей с Грузией равноправные федеративные государственные взаимоотношения. На самом деле, совершенно очевидно, что ССР Абхазия с самого начала (с 1921г.) рассматривалась как составная часть единого грузинского государственного организма, в качестве его автономии.**

К концу 20-х годов XXв. стало уже очевидным, что „договор 16 декабря 1921г. ...потерял реальное значение“ и что „наименование договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания“. Исходя из этого, в апреле 1930г. III сессия ЦИК-а Абхазии, на основании доклада Н. Лакоба, приняла решение об исключении из Конституции ССР Абхазии названия „Договорная республика“ и о ее замене словами „автономная республика“. А в феврале 1931г. VI съезд Советов Абхазии, одобрил решение III сессии ЦИК-а, внес соответствующие поправки в Конституцию Абхазии. Абхазия уже официально стала Автономной Советской Социалистической Республикой в составе Грузинской ССР.

Глава X

Абхазская АССР в 1931-1993гг.

Новая Конституция СССР 1936г. внесла ряд изменений в федеративное устройство страны, в частности была упразднена Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика и ее субъекты: Грузинская ССР, Азербайджанская ССР и Армянская ССР непосредственно вошли в состав СССР. Существует достаточно обоснованное мнение (С. Лакоба), что в 1935-36гг., накануне принятия Конституции СССР, Н. Лакоба предпринял попытку включения Абхазской АССР в состав РСФСР. Однако, эта затея тогдашнего лидера Абхазии провалилась.

В 50-х годах, в частности, в 1957г. воспользовавшись некоторым смягчением тоталитарного режима в СССР, сепаратистские настроенные силы абхазского населения организовали первый „всеабхазский бунт“ с целью вывода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. Коммунистическому руководству Грузии удалось утихомирить „мятежных абхазов“. Однако это было достигнуто за счет проведения односторонних репрессивных мер. Партийному наказанию подверглись исключительно грузины. На этом фоне, лидеры „Абхазского бунта“, наоборот – продвинулись еще выше по партийной иерархической лестнице и заняли „командные высоты“ во властных структурах автономной республики. Плоды подобной капитулянтской политики коммунистического руководства тогдашней Грузии во главе с В. П. Мжаванадзе пришлось пожинать уже спустя десять лет – в 1967г., когда вспыхнул новый антигрузинский „мятеж“ в Абхазии. Сепаратистские настроенные силы вновь поставили вопрос об отделении Абхазии от Грузинской ССР и ее преобразовании в союзную республику.

Руководство Грузии и на этот раз приняло односторонние меры, чем еще больше подхлестнуло идеологов национал-сепаратизма и подняло их рейтинг в сепаратистски настроен-

ных слоях абхазского населения. В 1977-78гг., накануне принятия новой (1977г.) Конституции СССР, представители абхазской интеллигенции и партийно-хозяйственной номенклатуры организовали очередное выступление с требованием изменения государственного статуса Абхазии. На этот раз заговорили о переводе Абхазской АССР из состава Грузинской ССР в состав РСФСР. Новое партийное руководство Грузии во главе с Э. А. Шеварднадзе, проводившее сначала (1973-77гг.) достаточно смелую политику по отношению Абхазской АССР, осенью 1978г., когда кризис в Абхазии достиг пика, все же пошло на значительные уступки и фактически вновь капитулировало перед сепаратистами. Хотя главная цель сепаратистов не была достигнута.

В 1984г. сепаратистский настроенные круги вновь активизировали свои действия. Было составлено и отправлено в Москву очередное „Обращение“ с нападками на руководство Грузии и всё с тем же требованием изменения государственного статуса Абхазской АССР. Но тогда из-за того, что во главе страны не было стабильного руководства, дело дальше отправления „письма-жалобы“ не пошло. Новая эскалация сепаратистского движения в Абхазии началась в 1988г., на фоне проводимой М. С. Горбачевым и его командой политики „Перестройки и гласности“. Лидеры абхазского сепаратизма подготовили т.н. „Абхазское письмо“, которое направили в ЦК КПСС накануне Пленума по вопросам национальной политики. Ситуация особенно обострилась весной и летом 1989г. после того, как 18 марта в селе Лыхны (Гудаутского р-на) в присутствии и с согласия высшего партийного руководства Абхазии во главе с первым секретарем Абхазского обкома КП Грузии Б. В. Адлейба, состоялся „всенародный сход“ абхазов, который принял новое „обращение“ с требованием восстановления статуса ССР Абхазии (отмененного в 1931г.) и ее непосредственного включения в состав СССР.

Летом 1989г. (15-16 июля) впервые произошло кровавое столкновение в Сухуми, в результате чего погибло 9 грузин и 5 абхазов. Но тогда все же удалось временно стабилизировать обстановку. Осенью 1990г. в Грузии произошла смена власти. Новое руководство Грузии во главе с З. К. Гамсахурдия сразу

же столкнулось с проблемами в автономиях, в первую очередь, в т.н. „Юго-Осетинской“ автономной области. В этой ситуации, во избежание открытия своего рода „второго фронта“ в Абхазии, З. К. Гамсахурдия пошел на неординарное решение – согласился на избрание на посту председателя Верховного Совета Абхазской АССР (т.е. на высший государственный пост автономной республики) наиболее одиозной фигуры из стана сепаратистов – В. Г. Ардзинба. Этим самым, новый лидер Грузии стремился снять напряженность в Абхазии и сорвать планы союзного руководства, стремящегося использовать „абхазскую карту“ против Грузии. Однако этот шаг не дал ожидаемых результатов. На протяжении всего 1991г. (до 19 августа) В. Г. Ардзинба против воли З. К. Гамсахурдия активно принимал участие в реализации планов Кремля по подписанию нового „союзного договора“, по которому автономные республики должны были повысить свой государственный статус.

После провала августовского путча, несмотря на то, что идея создания „обновленного Союза“ потерпела фиаско, З. Гамсахурдия все же дал еще один шанс В. Г. Ардзинба и согласился на принятие апартейдного избирательного закона, по которому абхазы получили преимущественное право быть избранными в верховный орган власти автономной республики – Верховный Совет Абхазии. Абхазы, составляющие всего лишь 17% всего населения Абхазии получали 28 депутатских мест, а грузины (почти 45%) всего лишь – 26 депутатских мест. Остальные 11 мест отдавались представителям некоренных национальностей: русским, армянам и др.

Заполучив таким путем простое большинство в Парламенте Абхазии, В. Ардзинба и его сподвижники забыли о своих обещаниях и приняли ряд идущих в разрез с общегосударственными интересами постановлений. Насильственное свержение З. Гамсахурдия и эскалация гражданского противостояния в Грузии создали весьма благоприятный фон для осуществления далеко идущих планов сепаратистов. Кризис во взаимоотношениях между Тбилиси и Сухуми достиг своего апогея после того, как 23 июля 1992г. Верховный Совет Абхазии с грубым нарушением регламента, в отсутствии кворума, офи-

циально восстановил т.н. „Конституцию ССР Абхазии 1925г.“, что фактически означало выход Абхазии из состава Республики Грузия. Этот роковой шаг абхазской депутации стал последней каплей, переполнившей меру терпения Грузинского руководства. Однако, оно воздержалось от силового решения. Но позже все-таки не удалось избежать кровопролития. 14 августа В. Ардзинба и его окружение приказали незаконно созданным ими же военным формированиям открыть огонь по передвигавшимся (согласно заранее достигнутого с лидерами Абхазии соглашения) на территории Абхазии внутренним войскам Республики Грузия. Так началась трагическое военное противостояние, которое завершилось 27 сентября 1993г. „победой“ сепаратистов и изгнанием из родных очагов 300 тысяч грузинского населения.

С этого времени, по сей день юрисдикция грузинского государства на территории Абхазии (за исключением верхней части Кодорского ущелья) не распространяется, и Абхазия считается непризнанной республикой.

Заключение

Итак, представленный нами материал однозначно подтверждает, что территория современной Абхазии, вопреки голословным и необоснованным утверждениям сепаратистской „историографии“ и их покровителей, исторически всегда была органической частью общегрузинского этнокультурного и политико-государственного пространства. Так было в эпоху Колхидского царства (VI-Пвв. до н.э.), когда территорию нынешней Абхазии населяли только картвельские племена коллов, колхов, кораксов, гениохов, возможно и месхов. В I-Пвв. н.э. в письменных источниках впервые появляются сведения об „апсилах“ и „абазгах“, которых подавляющее большинство исследователей (в том числе и мы) считают предками современных абхазов. Эти абазги и апсилы в Пв. н.э., наряду с санигами, картвельское (мегрело-чанское или сванское) происхождение которых не вызывает сомнений, под патронажем римских императоров создали этнополитические образования – „царства“.

К концу IVв. территория „царств“ апсилов, абазгов и санигов (примерно от р. Галидзга-Мокви до Сочи-Адлерского сектора) вновь была включена в единое со всей Западной Грузией политическое и государственное пространство и стала частью Лазско-Эгрисского царства. В состав этого государства входила и верхняя часть Кодорского ущелья – за Цебельдой, населенная грузинским (сванским) племенем мисимян.

В первой трети VIIIв. происходит добровольная интеграция „эриставства Абхазия“, которая в тот период охватывала территорию от р. Келасури примерно до р. Бзиби и считалась владением византийского императора, в объединенное (формально) Картли-Эгрисское государство, во главе которого стоял дом картлийских эрисмтаваров. „Эристав Кесаря“ (т.е. византийского императора) Леон в качестве члена (зятя) „царского дома Хосроянов“ (династии картлийских царей, позже эрисмтаваров) стал вторым лицом в этом объединенном государстве. В конце VIIIв. племянник эристава Абхазии Лео-

на, Леон II, воспользовавшись династическим кризисом в „доме Хосроянов“, а также ослаблением Византии, завладел всей Западной Грузией и объявил себя царем „абхазов“.

„Абхазское“ царство с самого начала было грузинским национальным государством, правопреемником Древнеколхидского и Лазско-Эгрисского государств. Из 8 эриставств собственно абхазы населяли только лишь территорию Абхазского эриставства (примерно от Нового Афона до р. Псоу). „Абхазское“ царство, в отличие от Древнеколхидского и Лазского царств, было первым по-настоящему грузинским национальным государством в Западной Грузии со своей **грузинской** (а не апсуа-абхазской) **национальной христианской идеологией и грузинским государственным языком.**

С воцарением Баграта III Багратиони, внука (сына дочери) самого могущественного царя „абхазов“ Георгия II (922-957) в Кутаиси в 978г., царство „абхазов“ не претерпело каких-либо изменений как в политическом, так и государственном отношении. Произошло лишь дальнейшее расширение пределов „Абхазского“ царства, которое уже охватило территорию всей Грузии (кроме Тбилисского эмирата и Южного Тао – владения Давида III Куропалата) и трансформировалось в общегрузинское государство.

В XI-XVвв. территория современной Абхазии (как и раньше) не была единой в административном плане. Она была разделена на Абхазское, Цхумское и Бедийское эриставства. Цхуми-Сухуми был грузинским городом. В XIV-XVвв. там была резиденция правителя (мтавари) Одиши-Мегрелии, где он чеканил собственную монету. Само Абхазское эриставство, южная граница которого проходила в районе Анакопии–Нового Афона, во главе со знатным родом Шарвашидзе также являлось органической частью общегрузинского государственного организма. На протяжении XIII-XVвв. представители рода Шарвашидзе, как правило, сохраняли преданность Тбилисскому престолу, порой проявляя даже большую, нежели другие западногрузинские лидеры, лояльность к центральной власти Грузии.

На протяжении XVIв. значительная часть территории современной Абхазии „до Сухуми“ непосредственно входила

в пределы Одишского (Мегрельского) княжества, а само эриставство всё еще признавало сюзеренитет владетельского дома Дадиани. В начале XVIIв., воспользовавшись ослаблением Одишского княжества, представителям рода Шарвашидзе удалось выйти из-под власти мегрельских владетелей и вступить в непосредственную вассальную зависимость от Имеретинского царства.

Джико-абхазская экспансия в юго-западном направлении, начавшаяся еще где-то в XV-XVIвв., своего апогея достигла со второй половины XVIIв., когда представители дома Шарвашидзе сумели захватить территорию сперва до реки Кодори, а затем и до р. Ингури. Так, к началу XVIIIв. территория Абхазии обрела нынешнее очертание. Однако, Абхазия в её современных границах с самого начала не было централизованным владетельным княжеством („самтавро“). Тогда же (в начале XVIIIв.) она распалась на три самостоятельные владения, из которых Самурзакано фактически превратилось в независимое от владетеля Абхазии самостоятельное княжество.

Несмотря на всю нестабильность политической ситуации в целом и усиления турецкого давления, Абхазия в XVI-XVIIIвв. не была оторвана от остальной Грузии и по-прежнему рассматривалась как составное звено западногрузинской политической системы. Это хорошо понимали как собственно грузинские и абхазские лидеры, так и высшие чины российской администрации на Кавказе, которые необходимость включения абхазского княжества в состав Российской империи, в первую очередь, обосновывали как раз принадлежностью Абхазии к общегрузинскому политико-государственному организму. Это наиболее ярко было продемонстрировано владетелем Абхазии Сафар-беем (Гиорги) Шарвашидзе при составлении оригинала „просительных пунктов“ (официального обращения) направленных российскому императору именно на грузинском языке. Этим самым Гиорги Шарвашидзе однозначно давал понять российской стороне, да и всему мировому сообществу, также, что в **международных отношениях Абхазское княжество представляет не какой-нибудь абхазо-апсуйский, а грузинский национально-государственный и культурно-политический мир.**

В 1810-1864гг. Абхазия представляла собой владетельное княжество в составе Российской империи. В 1864г. российские власти упразднили владетельное княжество и Абхазию преобразовали в Сухумский отдел (позже в округ) с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору.

В 1917г., после крушения Российской империи, националистически настроенные представители „абхазской народной интеллигенции“, попытались оторвать Абхазию от остальной Грузии и присоединить её к т.н. „Юго-Восточному Союзу“. Однако из этого ничего не вышло. 11 июня 1918г. между лидерами Абхазского Народного Совета и руководством Грузинской Демократической Республики был заключен договор, согласно которому Абхазия объединялась с остальной Грузией на правах автономии. Это решение было подтверждено 20 марта 1919г. новоизбранным Народным Советом Абхазии (НСА). 16 октября 1920г. НСА утвердил уже проект Конституции Абхазии, который подтвердил автономный статус Абхазии в составе Грузинской Демократической Республики. Это положение Конституции было закреплено в Конституции Грузинской Демократической Республики, принятой Учредительным Собранием Грузии 21 февраля 1921г.

После насильственного свержения регулярными частями Красной Армии большевистской России законной власти суверенной Грузии и установления советской власти, в марте 1921г. Абхазия была объявлена Советской Социалистической Республикой. Однако, „независимость“ Абхазии была лишь временным явлением, по выражению лидера абхазских большевиков Н. А. Лакоба, „на одну минуту“. 16 декабря 1921г. по особому „союзному договору“ ССР Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве т.н. „договорной республики“. Как объявление („независимой“) ССР Абхазии в марте 1921г., так и её „объединение“ с Грузинской ССР на „договорных началах“ были лишь формальными актами. На самом деле, Абхазия с самого начала (т.е. с весны 1921г.) рассматривалась как автономная часть Грузии.

В 1931г. ССР Абхазия была уже преобразована в Абхазскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (АССР). С 50-х годов XXв., при завуалированной поддержке

коммунистического руководства СССР, в Абхазии началось сепаратистское движение с целью отторжения автономной республики от остальной Грузии. В решающую фазу это движение вступило в конце 80-х и начале 90-х годов, когда сепаратистам удалось инспирировать братоубийственный конфликт. Начиная с осени 1993г., когда абхазским сепаратистам при поддержке своих северо-кавказских „братьев“, казаков и, что главное, регулярных подразделений вооруженных сил Российской Федерации, удалось одержать „победу“ „в войне с Грузией“, на Абхазию фактически не распространяется юрисдикция грузинского государства, и она считается непризнанной республикой.

Zurab V. Papaskiri

Studies in History of the Present-day Abkhazia. *From Ancient Times till 1993*

Summary

Abkhazia, an Autonomous Republic of Abkhazia, is an integral part of Georgia. It is located in the northwestern part of Georgia. Its northwest border goes along the top of the Caucasus chief mountain range. The river Psou, which makes the northwest border of the Georgian State with the Russian Federation, separates Abkhazia from Russia. In the south and southwest, Abkhazia is washed by the Black Sea. In the east and south, along the Svaneti-Abkhazia range and along the river Enguri (its lower stream) passes the administration border with Samegrelo and Zemo Svaneti (Zugdidi, Tsalendjikha and Mestia) regions.

The yearly human traces on the territory of the present-day Abkhazia appeared in early Paleolithic Age. The archaeological findings at the Yashtkhva Mountain near Sukhumi belong to Achel period. From the Upper Paleolithic (35 000 years ago) a primitive man widely populated the entire territory of Abkhazia. The tribal (matriarchy) system was formed. There was a further advance in the agricultural development in the Aenaolithic and the Early Bronze Age (4th millennium BC), bronze metallurgy was being developed alongside livestock breeding, and farming. The society passed to the last phase of the tribal-communal system – patriarchy. From about the 22nd century BC there was developing the bronze culture all over the territory of West Georgia. It also spread in Early Iron Age (till the 7th cent. BC). And this is known in science under the name of the Colchian Culture. The territory of the present-day Abkhazia was fully in the area of the Colchian Culture spreading. At the same period (the 11th-8th cc) there existed an ancient Georgian state formation Colcha (Colchis) in Georgia. Just this Colchis, "rich in gold" and ruled by a legendary Aeëtes, was visited by the Argonauts with Jason at the head. They took possession of the Golden Fleece from Colchis.

Despite the devastating raids of the Cimmerians who came from the North and ruined the ancient Colchian State, it was still managed to restore the state life in West Georgia. From about the 6th century BC there still existed the Colchis Kingdom where Aeëtes' descendants reigned. The northern borders of the Colchis Kingdom reached the present Sochi-Tuapse area and, naturally, involved the entire territory of the present-day Abkhazia. Beside the Colchian population proper (the ancient Kartvelian tribes) there also lived other Kartvelian (Megrel-Chans, Svans) tribes: Cols, Coraxes, Svano-Colchians, Sanig-Heniochs, Lazs, etc in this state. Dioscuria – the present Sukhumi – was a place settled by the Colchis and Svan population. The oldest Georgian name of Sukhumi – “Tskhumi” can be explained only in Georgian (in Svan) and means “hornbeam-wood”. The ancestors of the present Abkhaz people – “Apsils”, “Abazgs” are mentioned in the written sources only beginning from the 1st-2nd cc. A.D. At this period their presumed place of settlement is considered to be the southern part of Abkhazia (from the r. Enguri to the r. Kelasuri). Dioscuria, of the ancient sources – Sebastopolis (Georgian Tskhumi) belonged to the Kartvelian Sanigs tribe. They also settled the north of Dioscuria. A famous ancient Greek author, a Roman official Flavius Arrianus mentions in his documents to the existence of a geographical point – old Lazica in Sochi-Tuapse region in the 2nd century A.D., which directly points to the presence of the Georgian (Megrel-Chan) tribe of the Lazs in this region.

In the 1st-2nd cc. A.D. on the ruins of the Kingdom of Colchis in West Georgia there rose separate state units directly subordinated to the Roman Empire – the so-called “Kingdoms” of Macron-Heniochs, Lazs, Apsils, Abazgs and Sanigs. From the 3rd century A.D., a new Georgian state, the Kingdom of Lazica (Egrisi) advanced, supported by the Roman Empire. By the end of the 4th century the jurisdiction of Lazica-Egrisi Kings spread over the entire territory of the historical Colchis, including the present-day Abkhazia. Hence Apsilia-Apshileti was an administrative unit within Lazica, and Abazgia and Svaneti were ruled by the local principals appointed by the King of Lazica. Lazica-Egrisi Kingdom also included historical Sanigeti and one more Georgian (Svan) ethno-political unit – Misimianeti which existed at this period on the territory of the present-day Abkhazia (in Kodori Canyon).

In the mid – 6th century a long war between Iran and Byzantine, going on in West Georgia, weakened the Lazica-Egrisi Kingdom. The latter grew gradually weaker and finally, by the 30s of the 8th century it, in fact, stopped existing as an independent state. On the background of the weakening of the Lazica-Egrisi Kingdom, Abazgia-Abkhazia became much stronger by gaining force through the manifest support of the Byzantine Empire. By the 30s of the 8th c, when Georgia was raided by a well-known Arab Commander Murvan ibn-Muhammad (later he became a caliph), there existed only two political forces in Georgia: the house of Kartli principals leading anti-Arabian front not only in Georgia but also in the Transcaucasus, and the other force – that of Leon appointed as an Abazgia-Abkhazia “Eristavi” by the Byzantine Empire. Leon supported the Kartli principals and intensively fought against the Arabs. After the Arabs had been withdrawn from West Georgia the Byzantine Empire recognized the house of Stepanoz-Archil as a political leader of the entire Georgia and the representatives of this family (Mir and Archil) were acknowledged as the “kings” of Kartli and Egrisi. Abazgia-Abkhazia was given to Leon Eristavi in hereditary ownership. At the same time, by the permission of the Byzantine authorities Leon Eristavi of Abkhazia adopted a far-sighted diplomatic step. He established ties of relationship with the Kartli-Egrisi “royal” dynasty, acknowledged the supremacy of the Kartli-Egrisi King and, in fact, became the second person in the state.

In the second half of the 8th century, after Archil returned to East Georgia, Leon Eristavi consolidated his position. He, firstly, extended his power on Apshileti-Misimianeti (a sovereign ruler of Apshileti, Eustaphius is last mentioned in connection with the events that took place at the end of the 40s of the 8th century), and later over the entire West Georgia. By the 80s of the 8th century the formation of a new state unit, the principality of Abkhazia, was completed. Its new ruler, Leon II declared himself the King of “the Abkhazs” (of West Georgia) at the end of the 90s of the 8th century. The Kingdom of “the Abkhazs” was a legatee of the Lazica-Egrisi state. It also covered the entire West Georgia. The major part of the population of “the Abkhaz” Kingdom were the Kartvelian (Megrel-Chans, Svans, Karts, etc) tribes. At this period the Abkhaz tribes populated only the territory of the province of Abkhazia (from Anacopia (the present Akhali Atoni) to the Bzipi–

Psou sector to the north). The other 7 provinces were entirely Georgian from the ethnic viewpoint. Despite the fact that the new state, due to the Abkhaz origin of the ruling dynasty, was called the kingdom of “the Abkhazs”, it was not an Abkhaz national state unit in the present sense. The kingdom of “the Abkhazs” was a state carrying general Georgian cultural and political mentality like the other Georgian state units that appeared at the turn of the 8th-9th cc: Kakheti, Hereti, Tao-Klardjeti. It should be also mentioned that the dynasty crisis in the house of Kartli-Egrisi (Archil's family) assisted Leon Abkhazia's Principal in occupying the royal throne. He, as one of the representatives of the house of Mir and Archil, the “Kings” of Kartli-Egrisi (Leon was a nephew of Leon I, Mir's son-in-law), used his relations with the royal dynasty, and after the death of Archil's heirs – Ioané and Juansher, occupied the Kutaisi throne without any serious problems.

The cardinal phase in the process of the political unification of Georgia under the Kutaisi throne started from the 70s of the 10th century. At this period the progressive forces of the country headed by David Curapat, an acknowledged leader of Georgia of that time, the ruler of South Tao, put a young prince Bagrat Bagrationi on the throne of the “Abkhaz” King in 978. Bagrat was the son of Gurandukht (the daughter of “the Abkhaz” King Giorgi II).

Thus, the first real step was undertaken on the way of uniting the two royal thrones – “the Abkhazs” (West Georgia) and “the Kartvels” (Tao-Klardjeti). This process ended by forming one single Georgian State at the end of the 11th century. Nothing was changed formally in the “Abkhaz” Kingdom by Bagrat III's accession to the Kutaisi throne, either from ethno-political or state-legal viewpoint, only the borders of the “Abkhaz” kingdom extended. From that time on “Abkhazia”, which in the 8th-10th cc. meant West Georgia, has become the name of the entire country, i.e. Georgia, naturally, including the territory of the present Abkhazia properly.

Abkhazia proper (in its present meaning) possessed no statehood (nor even an autonomous principality within the united Georgian state, which usually, was mentioned under the name of “Abkhazia” in both Georgian and foreign historical sources. Moreover, the region mentioned above was not united as an administrative

unit. Since the reign of Leon II, the founder of the “Abkhaz” Kingdom (the end of the 9th century), it was divided into individual administrative units – principalities of: Abkhazia, Tskhumi and Bedia. Only Abkhazia was generally populated by the Abkhaz-Apsua tribes. As for Tskhumi and, especially, Bedia principalities, ethnically they were Georgian (Megrel-clan) regions.

In the 11th-12th cc. the Abkhazia principality populated by the Abkhaz-Apsua ethnic groups, from the cultural and political viewpoint, was the same administrative unit of the one and indivisible Georgian state as any other regions of Georgia. The principality mentioned above along with the other principalities of Georgia (including those located on the territory of the present Abkhazia) was a support to the Georgian King in their fight against the feudal opposition. And the ethnic Abkhazs were the most devoted subjects of the Georgian Kings.

In the 13th-15th cc. despite the aggravated domestic and foreign political situation (the occupation of Georgia by the Mongols, the raids of Tamerlane, etc) which caused the weakening of the one and indivisible Georgian state and later its fall, the present Abkhazia still remained an integral part of the Georgian statehood; the major part of the territory of the present-day Abkhazia, i.e. the former Tskhumi and Bedia provinces including Anacopia-Akhali Atoni, was completely under the administrative control of the Dadiani – the Principals of the Samegrelo-Odishi. Tskhumi-Sukhumi was a Georgian city. It was a residence of Samegrelo-Odishi prince where he minted coins. As for the Province of Abkhazia particularly populated by the Abkhaz tribes and headed by the Sharvashidze family, the region was subordinated to the Odishi Principals. During the 13th-15th cc, the Sharvashidzes kept being loyal to the central authorities of Georgia. Moreover, in separate cases they displayed more devotion to the Tbilisi authorities and were their supporters in West Georgia.

By the beginning of the 17th century, the Sharvashidzes managed to get free from the Samegrelo Principals’ subjection and directly subordinated themselves (nominally) to the Imereti (West Georgia) King. At the same period the expansion of the Abkhazs started in the direction of the Southeast, but a powerful ruler of Samegrelo Levan II Dadiani (1611-1657) temporarily managed to

stop the Abkhaz attacks and even instituted his sovereignty over the Sharvashidze family. The same Levan Dadiani founded a system of fortification to stop the Abkhazs, the so-called “Kelasuri Wall” (from the mouth of the river Kelasuri to Ghalidzga Canyon to North-East, a total length of about 60 km.). In the second half of the 17th century the Sharvashidzes seized the opportunity of Samegrelo being weakening and their raids towards Odishi (from Dioscuria-Sukhumi to the river Tskhenistskali) became more frequent and of regular character. By the beginning of the 18th century the south borders of the Abkhaz Principality shifted to the bank of the river Enguri. Since that period the Sharvashidzes started the ethnic assimilation of the occupied territory. With this object they settled the Abkhazs in this region on a mass scale.

In the 18th century the Principality of Abkhazia was not the unified state formation. Although, nominally, the supreme power was in the hands of the Sharvashidzes of Likhni, in fact, there were formed several independent feudal domains in the territory of Abkhazia. Samurzakano (within the present Gali region) should be especially mentioned among them.

Since the beginning of the 18th century till 1840 when Samurzakano was declared a Russian territorial-administrative unit, Samurzakano was the point of permanent dispute between the representatives of the senior (Likhni) branch of the Sharvashidze and Samegrelo Principals. In this fight the Dadiani (Samegrelo princes) mostly were victorious and Samurzakano was considered to be a part of Samegrelo-Odishi Principality (but some exceptions in the first third of the 18th-19th cc.), and its rulers, the Sharvashidzes were the vassals of the Dadianis. In the 18th both the Sharvashidzes of Samurzakano and the Sharvashidzes of Likhni were actively involved in the current political processes of the West Georgia and were the bearers of the Georgian cultural-political mentality. It is acknowledged that the representatives of the Sharvashidze family (both of Samurzakano and of Likhni), as a rule, had common Georgian names, even those who adopted Islam and served the Ottoman Empire (e.g. Batumi Beg Prince Manuchar Sharvashidze, Sukhumi Beg (Prince) Zurab Sharvashidze).

The common Georgian orientation of the Abkhaz princes was clearly expressed at the turn of the 18th-19th cc. when the Sa-

murzakano Sharvashidzes expressed their support of the pro-Russian orientation of the Georgian Kings Erekle II and Solomon I. Kelesh-bei Sharvashidze who was considered to be “a true Moslem” (because he came to power directly through the assistance of the Ottoman authorities) decided to review his attitude to the Ottoman Empire and become close to Russia. In February 1810 the Manifesto of Russian Emperor Alexander I was officially declared. According to it the Principality of Abkhazia was incorporated in the Russian Empire. Earlier, in 1805 Russia did the same with Samurzakano – it was annexed by the Russian Empire as part of the Samegrelo Principality.

After Abkhazia had been joined to the Russian Empire (1810), Tsarism considered it worthwhile to preserve the powers of a Principal (similar to Samegrelo). Despite this, in the first half of the 19th century, Russia still faced some difficulties in Abkhazia. The pro-Turkish forces more than once managed to arrange anti-Russian actions in Abkhazia (1821, 1824, 1830, 1840-41). In the 30s of the 19th century the Russian expedition corps after the bloody clashes managed to occupy Dali Canyon (being under the control of the Marshania Prince family). The situation was especially aggravated in Abkhazia during the Russo-Turkish war (the Crimea war of 1853-1855), when the Turkish commander Omar-Pasha succeeded in occupying Abkhazia. Abandoned by the Russians the Principal of Abkhazia Mikheil (Michael) Sharvashidze was forced to declare loyalty to Turkey. Later, in 1864 the Russian authorities accused Mikheil Sharvashidze of the cooperation with Turkey during the Crimea war and he was exiled to Russia. The Russian governance was established in Abkhazia.

The Abkhaz people retaliated with strong protest against the Russian authorities' action. In 1866 there started a mass uprising which involved, in fact, the entire Abkhazeti. The rebels declared Giorgi Sharvashidze (the son of the last prince) a prince of Abkhazeti. The Russian authorities brutally suppressed the uprising. The suppression was followed by (1867) the mass exile (muhajiroba) of part of the Abkhazs to Turkey. The military rule came to power in Abkhazeti. The Sokhumi military district was formed. However, the anti-Russian attitude still flourished in Abkhazeti. Even the Abolition of Serfdome in 1870 did not improve the situation. The

authorities tried to win the favor of the peasants by the reform and in such a way to stabilize the situation in the region.

In 1877-1878, during another Russo-Turkish war the situation aggravated again in Abkhazeti. The Abkhazs, once again, rose against the Russian authorities. However, the defeat of Turkey in this war determined the fate of Abkhazeti. Russia gave a final blow to the Abkhaz resistance and fundamentally eradicated the anti-Russian tendencies there forever. Thus, this was the end of the devoted fight of the Abkhazs for independence. The fight, although it was for independence, in principle, differed from the anti-tsarist actions arranged in other parts of Georgia. It was an integral part of a great and long “Holy war” (Hazavat) conducted by the moslem population of the North Caucasus and headed by Imam Shamil. This played a tragic role in the life of the Abkhaz people. As a result their major part moved to Turkey. The Russian Empire authorities did not try to prevent the Abkhaz muhajiroba, even declared the Abkhazs “guilty population” and strongly encouraged their exile from the home country.

After the consolidation of the Russian governance (in 1883 the Sokhumi military district was transformed into the Sokhumi region, which was left within the Kutaisi Province), tsarism intensively started to colonize Abkhazeti. Using the false motives of “taking care” of “minor” nations, the Russian officials tried as hard as they could to separate the Abkhazs from the common-Georgian cultural and political organism. The formation of the Abkhaz alphabet on the basis of the Slavic-Russian design (cyrillic script) served this goal. Despite the great efforts of the Abkhaz leading figures, (one should mention here the great contribution of Giorgi Sharvashidze, a great patriot of Georgia, a famous poet, a worthy representative of the Georgian national independence movement, and the son of the last Principal of Abkhazeti Mikheil Sharvashidze.) the Russian power succeeded in splitting the Georgian-Abkhaz historical union. The considerable part of the Abkhaz population served the Russian imperial policy and, in fact, turned out to be separated from the progressive processes occurring in Russia in 1905-1907 and later.

After the fall of the Russian Empire in 1917 the nationalistic representatives of the “Abkhazian popular intelligentsia” tried to

cut off Abkhazia from Georgia and to associate it with the so-called “South-Eastern Union”. But nothing came out of this attempt. On June 11, 1918 the leaders of the Abkhazian Popular Council and the governing body of the Georgian Democratic Republic came to an agreement, according to which Abkhazia joined Georgia on autonomous rights. This decision was confirmed on March 20, 1919 by the newly elected Popular Council of Abkhazia (PCA). On October 16, 1920 PCA approved the draft Constitution of the Abkhazian autonomy which confirmed the autonomous status of Abkhazia within the Democratic Republic of Georgia. This statute was confirmed in the Constitution of the Georgian Democratic Republic, adopted by the Constituent Assembly on February 21, 1921.

After the forcible overthrow of the legitimate government of Georgia by the regular units of the Red Army of the Bolshevik Russia and the establishment of the Soviet power, on March 4, 1921 Abkhazia was claimed Soviet Socialistic Republic. But “the independence” of Abkhazia was only a temporary phenomenon – in accord with the leader of Abkhazian Bolsheviks N. Lakoba, “Only for an instant”. On December 16, 1921 by a special “union agreement” Abkhazian SSR entered into the Georgian SSR as the so-called “Treaty Republic”. Both the declaration of “independent” Abkhazian SSR and its “unification” with the Georgian SSR on “the agreed rights” were formal. As a fact, Abkhazia from the beginning (i.e. from the spring of 1921) was considered an autonomous part of Georgia.

In 1931 the Abkhazian SSR was officially transformed into an Autonomous Soviet Socialistic Republic (ASSR). From the 50’s of the 20-th century there began a separatist movement in Abkhazia that was aimed at tearing away the autonomous republic from Georgia. The separatists were secretly supported by the communist leadership of the USSR. This movement entered its decisive phase at the end of the 80’s and the beginning of the 90’s, when the separatists managed to inspire a fratricidal conflict. From the early autumn of 1993 when the Abkhazian separatists, with the support of their North-Caucasian “brothers”, the Cossacks and the most essential support of the regular army of the Russian Federation, managed to “win” “the war against Georgia”, the jurisprudence of Georgia no more extends onto Abkhazia and the latter is regarded as a non-recognized republic.

Основная литература:

1. **Γ. ΑΑΘΡΑΓΕΥΑΕΕΕ.** საქართველოს ისტორიის საკითხები, თბ., 1990.
2. **ἄ. ΑΑΤΑΔΑΟΕΑ.** ქართულ-აფხაზური ურთიერთობების ისტორიიდან, თბ., 1991.
3. **Α. ΑΑΘΑΕΑΓΕ.** აფხაზეთი. ძველი და ახალი აფხაზეთი, თბ., 1998.
4. **Ι. ΕΓΑΡΑ.** ძველი აფხაზეთის ეთნოპოლიტიკური ისტორიის საკითხები. – „*ΙΑΥΙΑ*“, ისტორიის... სერია, №1-2, 1992.
5. **Γ. ΕΪ ΪΪ ΘΟΕ.** ძველი აფხაზეთის ეთნოკულტურული ისტორიიდან, თბ., 1998.
6. **Ι. ΕΪ ΘΕΘΕ×ΑΓΕΡΑ.** აფხაზეთი და აფხაზეთი, თბ., 1990 (ქართ., რუს. და ინგლ. ენებზე).
7. **Ε. ΤΕΑΥΘΑΓΕ.** დასავლეთ საქართველოს მთიელთა ეთნოგენეზის, განსახლებისა და კულტურის ისტორიიდან, თბ., 1989.
8. **Κ. ΘΑΔΑΘΘΕΘΕ.** აფხაზეთი საქართველოა, თბ., 1998.
9. „*ΘΑΘΑΘΕΑΑΕΪ Θ ΕΘΘΪ ΘΕΘΘ ΓΑΘΕΑΑΑΑΑΕ*“, ტ. II, თბ., 1973.
10. **Α. ἄΪ ΘΑΑΑ.** ოდიშ-აფხაზეთის ურთიერთობა XV-XVIII სსს., თბ., 1996.
11. *Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников.* Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил **Г. А. Амичба**, Тб., 1988.
12. **Г. А. Амичба, Т. Г. Папуашвили.** Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей (VI-VIII вв.), Тб., 1985.
13. **И. Антелава.** Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков, Сухуми, 1951.
14. **З. Анчабадзе.** Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.), Сухуми, 1959.
15. **З. В. Анчабадзе.** История и культура древней Абхазии, М., 1964.
16. **З. В. Анчабадзе.** Очерк этнической истории абхазского народа, Сухуми, 1976.
17. **З. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария.** Дружба извечная, нерушимая, Сухуми, 1972.
18. **З. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария, А. Э. Куправа.** История Абхазии. Учебное пособие, Сухуми, 1986.
19. **Дж. Гамахария, Б. Гогия.** Абхазия – историческая область Грузии, Тб., 1997.
20. **С. Джанашия.** Абхазия в составе Колхидского царства и Лаики. Образование „Абхазского царства“. – „*ΙΑΥΙΑ*“, ისტორიის... სერია, №2, 1991.
21. **С. Джанашия.** О времени и условиях возникновения „Абхазского царства“. – *УΘΪ ΓΑΑΕ*, ტ. II, თბ., 1959.
22. **Г. А. Дзидзария.** Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия, Сухуми, 1982.
23. **Г. А. Дзидзария.** Очерки истории Абхазии 1910-1921 гг., Тб., 1963.
24. **Г. А. Дзидзария.** Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции, Сухуми, 1979.

25. **Г. А. Дзидзария, Ю. М. Качарава.** Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов. XIX – начало XXв., Тб., 1982.
26. **Г. Жоржوليани.** Исторические и политико-правовые аспекты конфликта в Абхазии, Тб., 1995.
27. **Г. Жоржوليани, С. Лекишвили, Л. Тоидзе, Э. Хоштария-Броссе.** Исторические и политические корни конфликта в Абхазии/Грузия, Тб., 2000.
28. **Ш. Инал-ипа.** Абхазы, Сухуми, 1965.
29. „История Абхазии“, гл. ред. **С. Лакоба**, Сухуми, 1991.
30. *История Абхазской АССР*, Сухуми, 1983.
31. **С. З. Лакоба.** Очерки политической истории Абхазии, Сухуми, 1990.
32. **Г. П. Лежава.** Между Грузией и Россией, М., 1997.
33. **Н. Ю. Ломоури.** Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи, Тб., 1997.
34. **Л. В. Маршания.** Трагедия в Абхазии, Тб., 1995.
35. **А. М. Ментешашвили.** Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918-1921гг.), Тб., 1996.
36. **А. М. Ментешашвили.** Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии, Тб., 1998.
37. **Т. В. Надареншвили.** Геноцид в Абхазии, Тб., 1996.
38. *Очерки истории Абхазской АССР*, т. I, Сухуми, 1960, т. II, Сухуми, 1964.
39. *Очерки истории Грузии*, т. II, Тб., 1988.
40. *По поводу искажения грузино-абхазских взаимоотношений*, Тб., 1991.
41. *Разыскания по истории Абхазии/Грузия*, Тб., 1999.
42. **Д. Г. Стурúa.** Сепаратистские движение в Абхазии в шестидесятые годы нашего столетия, Тб., 1995.
43. **Л. К. Тоидзе.** К вопросу о политическом статусе Абхазии. Страницы истории. 1921-1931гг., Тб., 1996.
44. **Э. Хоштария-Броссе.** Межнациональные отношения в Грузии. Причины конфликтов и пути их решения, Тб., 1993.
45. **Э. Хоштария-Броссе.** История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте, Тб., 1996.
46. **С. М. Червонная.** Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея, М., 1993.
47. **Г. В. Цулая.** Абхазия и Абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период, М., 1995.
48. **S. Chervonnaya.** Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazeti and the Russian Shadow. “Gothic Image Publications”, L., 1994.
49. **G. Zhorzholiani, S. Lekishvili, L. Toidze, E. Khoshtaria-Brosset.** Historic, Political and Legal Aspects of the Conflict in Abkhazia. Tbilisi, 1995.
50. **M. Lordkipanidze.** Essays on Georgian History. Tbilisi, 1994.
51. **A. Menteshashvili.** Trouble in the Caucasus. New York, 1995.
52. **A. Menteshashvili.** Some National and Ethnic Problems in Georgia. Tbilisi, 1992.
53. **E. Khoshtaria-Brosset.** The Abkhazian Problem in the Light of Conflict Studies. Tbilisi, 1997.

С о д е р ж а н и е

<i>Вместо предисловия</i>	3
Глава I. Этнокультурный и политико-государственный облик Северо-Западной Колхиды с древнейших времен до VIII в. н.э.	7
Глава II. „Абхазское“ царство – Западногрузинское государство, правопреемник Колхидского и Лазского царств	17
Глава III. Современная Абхазия в составе единого грузинского государства в XI-XV вв.	25
Глава IV. Этнополитический и социально-культурный облик Абхазии в XVI-XVIII вв.	34
Глава V. Установление российского господства над Абхазским княжеством	39
Глава VI. Абхазское княжество в 1810-1864 гг.	42
Глава VII. Абхазия – „Сухумский отдел“ (округ) в 1864-1917 гг. ...	49
Глава VIII. Абхазия в 1917-1921 гг.	52
Глава IX. ССР Абхазия в 1921-1931 гг.	60
Глава X. Абхазская АССР в 1931-1991 гг.	67
<i>Заключение</i>	71
Studies in History of the Present-day Abkhazia. <i>From Ancient Times till 1993. Summary</i>	76
<i>Основная литература</i>	85

ზურაბ პაპასკირი

**თანამედროვე აზნაზეთის მროვნულ-
სასელმწიფომებრივი იმრ-სასე
*უბველეხი დროიდან 1993 წლამდე***

Зураб Валерьянович ПАПАСКИРИ

**О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ
ОБЛИКЕ АБХАЗИИ/ГРУЗИЯ
*С древнейших времен до 1993г.***

Zurab V. Papaskiri

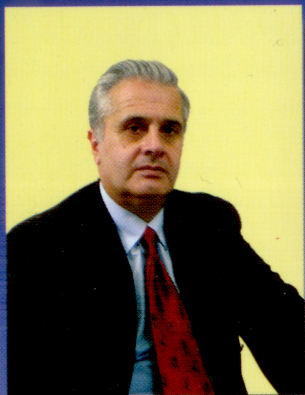
**Studies in History of the Present-Day Abkhazia.
*From Ancient Times till 1993***

*Издательство “Универсал”,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 1*

☎:(+995 32)29 09 60, (+995 99) 17 22 30

E-mail: universal@posta.ge

ЗУРАБ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ ПАПАСКИРИ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Грузии Сухумского филиала Тбилисского государственного университета им. Иване Джавахишвили, заместитель руководителя Научно-исследовательского центра истории грузинской государственной и гражданской дипломатии Тбилисского государственного университета.

З. В. Папаскири автор более 60 научных публикации (в том числе 5 монографии и книг) по истории международных отношений и дипломатии средневековой Грузии, а также по узловым проблемам истории Абхазии. Особое признание получили его монографии: „У истоков грузино-русских политических взаимоотношений" (Тб., 1982), „Возникновение единого грузинского феодального государства и некоторые вопросы внешнеполитического положения Грузии" (Тб., 1990), а также книга „Абхазия это Грузия" (Тб., 1998), отмеченная государственной премией им. Гиоргия Шарвашидзе. З. В. Папаскири является соавтором и членом редколлегий таких солидных изданий, как „Грузинский дипломатический словарь" (в 2-х томах), „Иване Джавахишвили. Энциклопедический словарь" (в названные энциклопедические издания вошло около 200 статей ученого), а также „Очерков истории грузинской дипломатии" (т. I-II, Тб., 1998).

В 1998г. по инициативе З. В. Папаскири в Тбилиси возобновила свою деятельность Абхазская организация Всегрузинского исторического общества им. Еквтиме Такашвили. Он является председателем данной организации и главным редактором её периодического научного издания – ежегодника – „Исторические разыскания".